

ЭНТОНИ БИВОР

БИТВА ЗА АРНЕМ

Крах операции «Маркет – Гарден»,
или Последняя победа Гитлера

18+

The Sunday Times bestseller № 1
Историческая книга года по версии The Times

Энтони Бивор

**Битва за Арнем. Крах операции
«Маркет – Гарден», или
Последняя победа Гитлера**

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 94(100)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Бивор Э.

Битва за Арнем. Крах операции «Маркет – Гарден», или Последняя победа Гитлера / Э. Бивор — «Азбука-Аттикус», 2018

ISBN 978-5-389-19701-5

Нидерланды, 1944 год. В случае успеха разработанной с подачи фельдмаршала Монтгомери операции, получившей название «Маркет – Гарден» и сосредоточенной на захвате ключевых мостов и переправ у города Арнем, открывался путь в стратегически важный Рурский регион Германии и приближалась перспектива завершения войны в Европе к концу года. Однако немцы оказали серьезное сопротивление, к которому союзники были не готовы. Их командование проигнорировало информацию разведки о том, что в окрестностях Арнема расположены бронетанковые войска противника, что во многом и привело к поражению антигитлеровской коалиции в этой схватке... Детальная предыстория битвы за Арнем, непосредственно боевые действия 17–26 сентября 1944 г., а также анализ долгосрочных последствий этой операции в изложении знаменитого британского историка Энтони Бивора. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(100)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-389-19701-5

© Бивор Э., 2018

© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	24
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Энтони Бивор

Битва за Арнем. Крах операции «Маркет – Гарден», или последняя победа Гитлера

Посвящается Артемис

Antony Beevor
ARNHEM
The Battle for the Bridges, 1944

Впервые опубликовано в Великобритании в 2018 году издательством Viking, импринтом Penguin Random House UK

© VOSTOCK Photo
© Ocito, 2018
© Jeff Edwards, maps
© Измайлов В. А., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
КоЛибри®

* * *

Описание одной из знаковых глав истории Второй мировой войны от лучшего исследователя нашего времени, мастерски умеющего находить новые источники, отражающие жизненный опыт как военнослужащих, так и мирного населения. Превосходная, прекрасно написанная книга.

Daily Telegraph

В этой книге с удручающей ясностью показывается, как высокомерие командиров может привести к уничтожению целой армии. Никто не освещает ошеломляющую какофонию войны так, как это делает Энтони Бивор.

The Times

Битва за Арнем и ее последствия описываются с глубоким пониманием человеческой психологии – как рисковавших жизнью солдат, так и попавших в тяжелое положение гражданских лиц из числа голландцев.

Генерал Майкл Дэвид Джексон, The Spectator

Я был всецело поглощен этой книгой, правда, несколько спасовал перед обилием военно-технических деталей, но анализ человеческого фактора меня совершенно поразил.

Алан Беннетт, драматург и сценарист, London Review of Books

Автор рассказывает историю о тщеславии, высокомерии, некомпетентности, человеческой слабости и выдержке. Повествование о битве за Арнем стало настоящим исследованием национальных характеров.

The Times

Тщательный анализ боевых действий, закончившихся катастрофой...
Знатоки военной истории особо оценят подробности – внимание уделено каждому, даже небольшому эпизоду столкновения.
Sunday Times

Детальное освещение одного из самых драматичных эпизодов Второй мировой войны.
The Tablet

Поражает уровень исторической эрудиции автора, который провел образцовый анализ источников.
Literary Review

Новый шедевр выдающегося военного историка нашего времени. Энтони Бивор обладает способностью ясно излагать факты и создавать выразительные психологические портреты.
Prospect Magazine

Великолепная работа. Мастерски и с абсолютной честностью воссоздана жестокая реальность войны.
The Times

В книге описывается буквально каждый бой Арнемской операции, а затем и последствия поражения союзников.
The Wall Street Journal

Отлично проработанные карты облегчают понимание хода операции, а непревзойденный стиль автора делает эту информативную книгу невероятно увлекательной. Обязательно к прочтению для всех интересующихся военной историей в целом и Второй мировой войной в частности.
Publishers Weekly

Автор исследует огромное количество источников из немецких, британских, американских, польских и голландских архивов. Повествование наполнено подробностями, включая многочисленные наблюдения очевидцев на каждом этапе операции «Маркет – Гарден».
Christian Science Monitor

Непревзойденный рассказ об одном из эпизодов войны, помещающий людей и события в цельное полотно всеобщей истории.
The Australian

Бивор воссоздает все тонкости операции – от первой высадки войск 17 сентября 1944 г. до эвакуации остатков 1-й британской воздушно-десантной дивизии восемь дней спустя.
The Economist

Автор обладает выдающимся талантом поиска и анализа новых неизвестных источников, благодаря которым знакомые сюжеты предстают совершенно в ином свете, а также грандиозным даром рассказчика.
Politiken (Дания)

Глава 1

Охота началась!

В воскресенье 27 августа 1944 года в Нормандии царило лето. С поля в Сен-Симфурен-де-Брюйер, что к юго-западу от Эврё, доносились, навевая дрему, звуки игры в крикет. Рядом, в грушевом саду, стояли «Шерманы» Шервудских рейнджеров¹, переоснащенные и отремонтированные после битвы за «Фалезский котел»², ставшей апогеем боев за Нормандию. Биты, мячи, наколенники и столбики тайком вывезли на берег на грузовике. «И пусть только скажут, будто мы не вторглись на континент во всеоружии»³, – шутил один из игроков.

Предполагалось, что полк выдвинется через сутки, но сразу после обеда пришел приказ быть на марше через час. Семьдесят минут – и танки уже на пути к Сене. Накануне Сене пересекла в Верноне первая британская группировка, 43-я (Уэссекская) пехотная дивизия. Англичане умирали от зависти: 3-я американская армия генерала Джорджа Паттона переправилась через Сену на шесть дней раньше.

29 августа армии союзников, почти миллион солдат, двинулись с береговых плацдармов восточнее Сены в направлении Бельгии и немецкой границы. Битва за Нормандию была наконец выиграна. Немецкая армия беспорядочно отступала. «Вдоль главных маршрутов снабжения, – писал американский офицер в своем дневнике, – следы наших авиаударов по врагу. На обочинах дорог – груды грузовиков, разбитые бомбами, в дырах от пуль, ржавые, покореженные. Порой попадался черный, обугленный грузовик с канистрами, выпирающими словно раздутая коровья туша, или колонна с целыми россыпями таких канистр и искореженным стальным остовом, торчавшим из-под разрушенных машин»⁴.

Британские кавалерийские полки вышли на охоту. Генерал-лейтенант Брайан Хоррокс, командир 30-го корпуса, не смог усидеть в башне командирского танка и ехал вместе с бойцами. «Такой войной я наслаждался, – писал он позже. – А как иначе?»⁵ Шесть сотен танков, а то и больше, – Шерманы», «Черчилли», «Кромвели», вся Гвардейская бронетанковая дивизия, 11-я бронетанковая дивизия и 8-я бронетанковая бригада – атаковали по фронту, растянувшись на восемьдесят километров, «выкашивая бреши в тылу врага, – добавлял он, – как комбайн кукурузу».

Местность меж Сеной и Соммой лежала «открытая и ровная, точно каток, с широкими полями, без оград и с хорошими дорогами»⁶. Опасные перелески Нормандии, с их *bocage*⁷, огороженными пастбищами и хлябью на дорогах, остались далеко позади. Шервудские рейнджеры шли строем, привычным еще со времен африканских пустынь: впереди рота «Шерманов», за ней – штаб полка, а на флангах – два сабельных эскадрона. «Мчат на всех парах по твердой, ровной земле тем дивным утром, – писал командир кавалерийского отряда, – и зная,

¹ Шервудские рейнджеры (Sherwood Rangers Yeomanry, SRY) – один из шести эскадронов Королевского легкого кавалерийского полка армейского резерва (Королевские йомены, Royal Yeomanry, RY). – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

² «Фалезский котел» – принятое в российской историографии название Фалезской операции.

³ Stuart Hills. By Tank into Normandy. London, 2003. P. 148.

⁴ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

⁵ Brian Horrocks. A Full Life. London, 1960. P. 195.

⁶ Hills. By Tank into Normandy. P. 148.

⁷ «Бокажи» – живые изгороди, посаженные местными крестьянами, за сотни лет превратившиеся в серьезные препятствия даже для танков. Для их преодоления союзники использовали танки «Шерман», к днищу которых прикреплялись острые металлические пластины, срезавшие «бокажи».

что немцы драпают... это, мягко говоря, бодрило, и всем было радостно и хорошо. Словно на стипль-чезе скакали»⁸.

Их встречали звоном церковных колоколов. Почти каждый дом был украшен в цвета французских флагов – красный, белый, синий. Ликующие жители деревень, счастливо избежавшие царившей в Нормандии разрухи, встречали солдат с бутылками вина и фруктами. Небритые бойцы Сопротивления, надев нарукавные повязки, пытались влезть на ведущие танки, чтобы показать дорогу. Офицер штаба Гвардейской бронетанковой дивизии в броне-вике «Стагхаунд» подметил «разного рода странное оружие, которым те рьяно махали, забыв о безопасности»⁹.

Иногда в танках кончалось горючее. В таких случаях нужно было остановиться у обочины и ждать, пока не подъедет «трехтонка» какого-нибудь полка. Канистры перекидывали танкистам, вставшим на моторный отсек. Иногда случались внезапные короткие перестрелки, когда группа немцев, настигнутая наступлением, отказывалась сдаться. Ликвидацию таких очагов сопротивления называли «дезинсекцией»¹⁰.

30 августа Хоррокс почувствовал, что наступление затягивается, и приказал генерал-майору Джорджу Робертсу выдвинуть ночью 11-ю бронетанковую дивизию и к рассвету взять Амьен и мосты через Сомму. И хотя танкисты засыпали от усталости, до мостов добрались, а с первыми лучами солнца на «трехтонках» прибыла бригада пехоты – для обеспечения безопасности города. Хоррокс, ехавший позади, поздравил Робертса с успехом; затем тот, отчитавшись об операции, сказал: «У меня для вас сюрприз, генерал»¹¹. Привели немецкого офицера в черной униформе танкиста, небритого, с лицом, обезображенным ранением времен Первой мировой, оставившим его почти без носа. Робертс, отметил Хоррокс, «был точь-в-точь словно гордый фермер, выводящий быка-чемпиона»¹². Его трофеем стал застигнутый в постели генерал танковых войск Генрих Эбербах, командующий 7-й армией вермахта.

На следующий день, 1 сентября, исполнилось пять лет со дня вторжения Германии в Польшу и начала войны в Европе. По странному стечению обстоятельств оба командующих группами союзных армий в Нормандской операции были в это время в своих штаб-квартирах и позировали портретистам. Генерал Омар Брэдли, купавшийся в лучах победы после триумфального наступления генерала Паттона на Сену, пребывал неподалеку от Шартра, его портрет писала Кэтлин Манн, супруга маркиза Куинсберри. В тот прекрасный день они могли наконец насладиться охлажденными напитками: совсем недавно Верховный главнокомандующий генерал Дуайт Эйзенхауэр прислал Брэдли холодильник с посланием: «Дьявол, я замаялся глотать ваш теплый виски, как ни приду к вам в штаб!»¹³

Фельдмаршал сэр Бернارد Монтгомери¹⁴ в фирменном обмундировании – серый свитер с высоким воротником, вельветовые брюки и черный берет с двойным значком – позировал шотландскому портретисту Джеймсу Ганну. Его тактический штаб и прицеп расположились в парке Шато-де-Данги, на полпути между Руаном и Парижем. Несмотря на утренние поздравления – его повысили в звании до фельдмаршала, – Монтгомери был настолько не в духе, что отказался встретиться с владельцем замка герцогом де Данги и бойцами местного Сопротивления. Все надежды Монтгомери на совместное наступление на Северную Германию под его руководством рухнули: на посту главнокомандующего сухопутными войсками его заме-

⁸ Ibid.

⁹ TNA WO 171/837.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Horrocks. A Full Life. P. 198.

¹² Ibid.

¹³ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

¹⁴ Nigel Hamilton. Monty: The Field Marshal 1944–1976. London, 1986. P. 8–14.

нял Эйзенхауэр. Брэдли ему больше не подчинялся, они сравнивались. По мнению Монтгомери, Эйзенхауэр, отказавшись сосредоточить силы, просто вышвырнул победу на свалку.

А вот высокопоставленных американских офицеров повышение Монтгомери привело поистине в ярость. Он стал пятизвездным генералом, в то время как у Эйзенхауэра, его начальника, было все еще лишь четыре звезды. Паттон, чья 3-я армия на востоке Франции уже подходила к Вердену, в тот день писал жене: «От всей этой затеи с фельдмаршалом нас, то есть меня и Брэдли, просто тошнит»¹⁵. Даже многие высшие британские офицеры считали, что подачка, брошенная Черчиллем Монти и британской прессе, чтобы замаскировать фактическое понижение в должности, была серьезной ошибкой. Адмирал сэр Бертрам Рамсей, командующий военно-морскими силами союзников, писал в дневнике: «Монти сделали фельдмаршалом. Это поразительно. Не выразить, сколь я об этом сожалею. Понимаю: личная инициатива премьер-министра. Чертовски глупо и, бьюсь об заклад, невероятно оскорбительно для Эйзенхауэра и американцев»¹⁶.

На следующий день, в субботу 2 сентября, Паттон, Эйзенхауэр и генерал-лейтенант Кортни Ходжес, командующий 1-й американской армией, встретились в штабе 12-й группы армий Брэдли; леди Куинсберри пришлось отложить кисти. По словам помощника Брэдли, Ходжес был «как всегда, безупречно одет и аккуратен», а Паттон – «в безвкусном наряде с медными пуговицами, да еще и приехал на рыдване»¹⁷. Обсудить собирались стратегию и серьезную проблему со снабжением. Войска продвигались вперед столь неожиданно быстро, и это превосходило возможности даже огромного американского военно-транспортного флота. Утром Паттон попросил Брэдли: «Дайте мне 400 тысяч галлонов бензина, и я доставлю вас в Германию в два дня»¹⁸.

Все сочувствовали Брэдли. Он так хотел оставить все самолеты на снабжении 3-й армии Паттона, что выступил против планов высадить десант впереди войск и тем ускорить наступление. Паттон, жаждавший пройти линию Зигфрида в мгновение ока – по его меткому выражению, «как говно через гуся»¹⁹, – уже подкупал пилотов-«транспортников» ящиками ворованного шампанского. Но этого оказалось недостаточно. Эйзенхауэр отказался выступать, да и к тому же его изводил Монтгомери, требовавший львиную долю ресурсов для своей главной атаки на севере.

Дипломатия союзников вынуждала Верховного главнокомандующего уравновесить противоречащие требования двух групп армий – насколько это в человеческих силах. Так Эйзенхауэр и принял стратегию широкого фронта – как говорится, ни нашим, ни вашим. (Стратегия широкого фронта стала для ОКВ, немецкого Верховного командования, «лучом света в темном царстве». «Для немцев оставалось загадкой, – писал один штабной офицер, – почему враг не сумел собрать все свои войска в одной точке и пойти на прорыв... Вместо этого он сделал немецкому командованию немалое одолжение и рассредоточил войска по всему фронту, словно веером»²⁰.) После войны начальник штаба Эйзенхауэра генерал-лейтенант Уолтер Беделл Смит высказался относительно соперничества Монтгомери и Брэдли. «Удивительно, – сказал он, – куда только деваются годные командиры, когда создают себе публику, на которую надо играть. Был командир, стала примадонна»²¹. Даже Брэдли, на первый взгляд скромный, и тот «создал себе публику, а нам проблемы».

¹⁵ PP. P. 535.

¹⁶ Robert W. Love and John Major (eds.). The Year of D-Day: The 1944 Diary of Admiral Sir Bertram Ramsay. Hull, 1994. P. 129.

¹⁷ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ PP. P. 539.

²⁰ ОКВ КТВ. – FMS B-034.

²¹ Беделл Смит, в интервью Форесту Погу, 13.5.47. – OCMH WWII Interviews. – USAMHI.

Неспособность Эйзенхауэра достичь компромисса между стратегиями Монтгомери и Брэдли усугубил несчастный случай. После того как он покинул штаб 12-й группы армий под Шартром, его в тот же день доставили самолетом на Атлантическое побережье Нормандии, на командный пункт в Гранвиле. Выбрать место, столь далекое от стремительно меняющейся линии фронта, – серьезная ошибка. На деле, останься командующий в Лондоне, связь, как указал Брэдли, была бы лучше. На подлете к Гранвилю у легкого самолета забарахлил двигатель, и пришлось приземляться на пляже. Эйзенхауэр, уже повредивший колено, травмировал и другое, пока помогал развернуть самолет на песке. Аккурат перед встречей Брэдли и Монтгомери он на целую неделю оказался прикованным к постели с загипсованной ногой, и это обстоятельство оказалось решающим.

В тот же вечер, 2 сентября, Хоррокс прибыл в Дуэ, в штаб Гвардейской бронетанковой дивизии. Он был разочарован и зол: пришлось задерживать войска из-за воздушной выброски груза в Турне, но ее отменили в последний момент – из-за плохой погоды и еще потому, что в зоне десантирования уже находился американский 19-й корпус. А потому Хоррокс в весьма цветистых выражениях объявил собравшимся гвардейским офицерам, что их цель на следующий день – Брюссель. До него было километров сто десять. По рядам прошел восторженный вздох. Хоррокс также приказал 11-й бронетанковой дивизии Робертса атаковать огромный Антверпенский порт в ходе операции «Сабо».

Перед Уэльской гвардией, справа, ехали броневики 2-го кавалерийского полка Его Величества, а слева – гренадеры-гвардейцы. «Дух соперничества был непреодолим, ничто не могло остановить нас в тот день»²², – писал один из офицеров. Все яростно спорили, кто первым войдет в Брюссель. «*Les jeux sont faits – rien ne va plus!* Ставки сделаны, господа!» – мог бы крикнуть крупье, раскрутив рулетку в 06.00, когда оба контингента двинулись в путь. Группа Ирландских гвардейцев в резерве последовала за ними через несколько часов. «То был наш самый долгий путь: более 131 км за 13 часов»²³, – записано в журнале боевых действий 2-го бронетанкового батальона. Но для некоторых подразделений стремительное продвижение оказалось не столь азартным. Гренадеры потеряли больше двадцати солдат в жестоком сражении с группой эсэсовцев.

Неожиданное появление Гвардейской бронетанковой дивизии в бельгийской столице в тот вечер вызвало даже больше ликования, чем в день освобождения Парижа. «Главной проблемой были толпы»²⁴, – отмечали в кавалерийском полку Его Величества. Их постоянно останавливали ликовавшие бельгийцы – они стояли вдоль дороги целыми ордами, напевая «Типперэри» и показывая «викторию» – знак победы. «Еще одна повсеместная привычка освобожденных – писать приветственные послания на всех автомобилях, пока те медленно проезжают сквозь толпу, – писал тот же офицер. – Стоило остановиться, они тут же окружали машину, осыпали ее фруктами и цветами, предлагали вино». Полк Его Величества и Уэльские гвардейцы «выиграли гонку, опередив соперников “на голову”», хотя «это было рискованно: когда кто-то останавливался спросить дорогу, его вытаскивали из машины и крепко целовали – и женщины, и мужчины».

Немцы все еще удерживали аэродром за пределами столицы и «сделали пять выстрелов бризантными зарядами»²⁵ по парку перед Королевским дворцом, где генерал-майор Аллан Адер установил палатки командного пункта. Британским войскам очень помогла «Белая армия» из бельгийского Сопротивления: она «оказала неоценимую услугу, устроив облаву на

²² TNA WO 171/837.

²³ TNA WO 171/1256.

²⁴ TNA WO 171/837.

²⁵ Ibid.

многих немцев, пытавшихся бежать»²⁶. Бельгийцы, если и не целовали освободителей, на всех немецких пленных шипели и шикали, а порой и пинали их.

Многих британцев поразили контраст с Нормандией, где жители подвергшихся ужасным разрушениям городов и деревенок часто принимали их с холодком. «Одежды местные лучше, – писал офицер, – да и одежды побольше, все чистенькие, здоровые, а во Франции такое чувство было, будто все в каких-то потертых дешевках»²⁷. Но процветающий вид мог вводить в заблуждение. Немецкие оккупанты забирали продовольствие, уголь, другие ресурсы; более чем полмиллиона бельгийцев угнали на принудительные работы на немецких заводах. Впрочем, Бельгия от быстрого наступления союзников только выиграла: страна была спасена от разрухи, неизбежной спутницы битв, от грабежей в последнюю минуту и от обычной для вермахта политики выжженной земли. Но безрассудные нападения на отступающие группы немецких солдат, устроенные бойцами бельгийского Сопротивления на юго-востоке, привели к тому, что немцы, в частности эсэсовцы, в ответ карали всех жестоко и без разбора.

Немцев потрясла стремительность наступления союзников. Один сержант описал это в своем дневнике как «событие, превосходящее все ожидания и расчеты и затмевающее даже наш летний “блицкриг” в 1940 году»²⁸. Обер-лейтенант Фуллриде писал, о чем говорили офицеры в казарме: «Западный фронт пал: враг уже в Бельгии и на границе с Германией. Румыния, Болгария, Словакия и Финляндия просят мира. Все как в 1918-м»²⁹. Другие прежде всего обвиняли своего первого союзника. «Итальянцы виноваты пуще всех»³⁰, – отметил унтер-офицер Оскар Зигль. Иные сравнивали «предательство» Италии с тем, как те предали Австро-Венгрию в Первой мировой. Порой это вызывало всплески недоуменной жалости к себе: «Весь мир против нас, немцев! Почему нас так ненавидят? Ни одна нация не хочет нас знать!»³¹

Генералы союзников тоже проводили параллели с концом Первой мировой. Оптимизм был таким, что штаб 12-й группы армий Брэдли уже заказал 25 тонн карт «для операций в Германии»³², а помощник Брэдли майор Честер Хансен заметил, что «все волновались, точно второкурники перед танцем»³³. В штабе 12-й группы армий «все разговоры сводятся к фразе “если война еще продлится”»³⁴.

Они совершенно неверно оценили последствия неудачного покушения на Гитлера 20 июля, когда бомбу взорвал полковник вермахта Клаус Шенк фон Штауффенберг. Командиры союзников предположили, что это событие ознаменовало начало распада немецкой армии, но на самом деле его провал и последовавшие репрессии означали совершенно иное: теперь ситуация находилась под контролем нацистской партии и СС, а Генштаб и все армейские формирования были обречены сражаться до последнего вздоха фюрера.

Утром 3 сентября, когда передовые отряды союзников наступали на Антверпен, Брюссель и Маастрихт, генералы Брэдли и Ходжес вылетели в штаб 2-й британской армии к генерал-лейтенанту Майлзу Демпси – обсудить с Монтгомери «будущие операции в направлении Рура»³⁵. Помимо Эйзенхауэра, лежавшего с больной ногой в Гранвиле, на совещании отсут-

²⁶ Ibid.

²⁷ Майор Эдвард Элиот, 2-й батальон Горцев Глазго, IWM 99/61/1.

²⁸ Дневник унтер-офицера Генриха Фойгтеля, 3.9.44, 71-й штабной дивизион АИР, 59 160 A, WLB-SS.

²⁹ 2.9.44, дневник Фуллриде. – BACh-MA MSG2 1948; RAN 80/328.

³⁰ Оскар Зигль, 6.9.44. – Пункт контроля полевой почты 1944. – BACh-MA RH13/49, 62.

³¹ А. Шиндлер, Райхенберг, 10.9.44. – Пункт контроля полевой почты 1944. – BACh-MA RH13/49, 65.

³² 1.9.44. – Собрание документов Рэймонда Мозеса. – USAMHI.

³³ СВНС, арх. кор. 41.

³⁴ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

³⁵ СВНС, арх. кор. 42, S-2.

ствовал генерал-лейтенант Гарри Крирар, командующий 1-й канадской армией: он настоял на том, что останется в Дьеппе и устроит парад в память о соотечественниках, убитых в погибельном налете в августе 1942 года. А так он мог бы указать на трудности захвата портов Ла-Манша и борьбы с 15-й немецкой армией, отступившей от Па-де-Кале в район к западу от Антверпена, к устью Шельды. Порт Антверпена тоже был жизненно важен для продвижения в Германию через Рейн, однако оба – и Монтгомери, и Брэдли – настаивали на реализации собственных, несовпадающих намерений: англичане стремились на север, а американцы – на восток.

Никаких протоколов в ходе совещания не вели, и потом Брэдли убедился, что Монтгомери намеренно ввел его в заблуждение. Брэдли посоветовал отменить воздушный десант у Льежа на мостах через Маас, намеченный на следующий день, и Монтгомери вроде бы согласился. «Мы оба считаем, – сказал впоследствии фельдмаршал, – что все имеющиеся самолеты необходимо использовать как транспорт и поддерживать темп наступления»³⁶. Однако позже, в тот же день, в 16.00, Монтгомери приказал своему начальнику штаба отправить в Англию, в 1-ю воздушно-десантную союзную армию, запрос о разработке другого плана, гораздо более амбициозного. Его новая идея состояла в захвате мостов «между Везелем и Арнемом»³⁷, по которым 21-я группа армий сможет пройти через Рейн к северу от Рура. Очевидно, он рассчитывал, что если первым установит плацдарм через Рейн, то Эйзенхауэр волей-неволей отдаст ему основную часть ресурсов и американские формирования.

Очень жаль, что Эйзенхауэр не присутствовал на совещании. Когда Брэдли узнал, что Монтгомери своевольно отказался от согласованного плана, он пришел в ярость. Фельдмаршал отказывался признать то, что поняли почти все высшие британские офицеры: Британия отныне была младшим партнером в альянсе. Американцы давали больше войск, гораздо больше техники и почти всю нефть. Идею, что Британия остается великой державой, отчаянно пытался продвигать Черчилль, в глубине души зная, что это всего лишь его фантазия. И можно даже утверждать, что это погибельное клише, не забытое и сегодня, когда страна явно не проходит в ту весовую категорию, где продолжает биться, родилось именно тогда, в сентябре 1944 года.

³⁶ M148, бумаги Монтгомери, цит. по изд.: Hamilton. Monty: The Field Marshal. P. 18.

³⁷ Ibid. P. 22.

Глава 2

«Безумный вторник»

В понедельник 4 сентября, на второй день празднований в Брюсселе, королева Нидерландов передала сообщение из Лондона: «Соотечественники! Знайте, наша свобода грядет! Я назначила принца Бернарда командующим голландскими силами при Верховном главнокомандующем генерале Эйзенхауэре. Принц Бернард возглавит вооруженное сопротивление. До скорого, Вильгельмина»³⁸.

Отступление немцев через Нидерланды к рейху началось 1 сентября и достигло апогея через четыре дня, в *Dolle Dinsdag*, «безумный вторник»³⁹. Ходили слухи, что армии Монтгомери уже на границе. Вечером 4 сентября голландская служба Би-би-си даже ошибочно утверждала, что союзники достигли Бреды и Рурмонда. Наутро в Амстердаме люди вышли на улицы, ожидая увидеть проходящие через город танки.

На отступления почти всегда больно смотреть. Но вид изнуренной, сломленной массы отставших бойцов вермахта, бредущих из Франции и Бельгии, вызывал у голландцев, прежде не раз униженных надменными оккупантами, необычную степень ликования, презрения и смеха. «В жизни так ничему не радовались, как этому зрелищу. Некогда великая армия бежала, точно стадо»⁴⁰, – писала женщина из Эйндховена. Некоторые импровизированные подразделения, те же моряки из кригсмарине⁴¹, собранные во флотские батальоны – *Schiffs-Stamm-Abteilungen*, – прошли пешком большую часть пути от побережья Атлантики. Другие хватали любой встретившийся им транспорт, будь то старый «ситроен» с подножкой или «газген»⁴² с дымовой трубой.

Зрелище, которое так восхитило и взволновало голландцев, будто бы подтверждало впечатление полного поражения. Зеваки сидели на обочинах и наблюдали, как прежде непобедимый механизированный вермахт, так легко разгромивший их страну летом 1940 года, теперь воруется все мыслимые средства передвижения, особенно велосипеды.

В начале войны в Нидерландах было 4 миллиона велосипедов – вдвое меньше, чем населения. Вермахт реквизирует 50 тысяч в начале июля 1942 года, и теперь еще тысячи направлялись в Германию, большая часть – загруженные солдатским снаряжением и добычей. Без резины, на деревянных колесах, толкать их по дорогам было тяжело. Но их потеря стала серьезным ударом. На велосипедах разъезжали и курьеры-подпольщики – участники голландского Сопротивления, и обычные семьи, когда отправлялись на поиск еды на сельских фермах.

У большинства автомобилей, украденных во Франции и Бельгии, не было шин. Они ехали на ободьях и лязгали так, что всех пробирала дрожь. Почти в каждом сидели немецкие офицеры, и, как отметил очевидец в Эйндховене, «во многих машинах – молодые женщины, как правило, подружки немцев»⁴³. Эти француженки, бельгийки и голландки явно хотели избежать обвинений в *collaboration horizontale*⁴⁴ и предсказуемой участи, ожидавшей их дома.

³⁸ С. А. Dekkers, L. P. J. Vroeman. *De zwarte Herfst*. Arnhem 1944. Arnhem, 1984. P. 18. О принце Бернарде. – TNA HS 7/275.

³⁹ Karel Margry. *De Bevrijding van Eindhoven*. Eindhoven, 1982; X. Ленсинк. – NIOD 244/313; HKNTW, pp. 265ff.; Jack Didden, Maarten Swarts, Einddoel Maas. *De strijd in zuidelijk Nederland tussen September en December 1944*. Weesp, 1984; дневник Альберта Эйена. – RAN 579/23–33; Антоний Шутен. – CRCP 123/35; сестра М. Досифея Симонс, госпиталь Святого Канизия. – CRCP 123/39.

⁴⁰ Дневник госпожи Криларс. – RHCE D-0001/1383/2042.

⁴¹ Военно-морской флот (*нем.* Kriegsmarine) – официальное наименование германских военно-морских сил в эпоху Третьего рейха. Здесь – морская пехота, морпехи.

⁴² Газогенераторный автомобиль, в котором в качестве топлива могут использоваться дрова, угольные брикеты, торф.

⁴³ X. Ленсинк. – NIOD 244/313.

⁴⁴ «Горизонтальное сотрудничество» – сексуальные или романтические отношения женщин с немцами в период оккупации.

В Арнеме невролог Луис ван Эрп также видел немецких офицеров, что ехали, «усадив на колени женщин – кто немок, кто француженок»⁴⁵. Офицеры размахивали бутылками с бренди. В некоторых городах тот вторник прозвали «коньячным»⁴⁶. Немцы пытались продать бутылки и другое ворованное добро: швейные машины, фотоаппараты, часы, текстиль и клетки с птицами, вряд ли способными пережить тяготы пути, – но покупали лишь немногие голландцы.

Иные автомобили принадлежали голландским сторонникам нацистов из NSB – Национал-социалистического движения. Они знали, что в Южном Брабанте без защиты немцев не выживут: слишком опасно. Спасались от мести и французские коллаборационисты, и пронацистские католики-рексисты⁴⁷ из Бельгии. Голландцы-патриоты называли членов NSB «неправильными» голландцами или «черными *камрадами*» и считали их хуже немцев⁴⁸. «Отношение голландского населения к NSB – полное противостояние, – сообщал немецкий офицер в Утрехте. – Все говорят, лучше десять немцев, чем один местный нацист, и, учитывая ненависть ко всему немецкому, это не пустые слова»⁴⁹.

Были еще странные омнибусы и кареты Красного Креста, заполненные солдатами и их оружием вопреки всем правилам войны. Были и немецкие солдаты на конных повозках, загруженных деревянными клетками с курами, утками и гусями; и грузовики с украденными овцами и свиньями. Кто-то видел двух быков, топтавшихся в автобусе. Одна монахиня заметила в машине скорой помощи корову. Подобное зрелище бесстыдного хищения еды из оккупированных стран вызывало у наблюдавших этот исход лишь горькие улыбки. В качестве транспорта немцы использовали странную пожарную машину и даже катафалк, покрытый пыльными страховыми перьями. Немцы привязывали к машинам спереди сосновые ветки – сметать клепки и гвозди, разбросанные по дорогам подпольщиками.

Истощенные пехотинцы – «мофы», как презрительно называли оккупантов голландцы, – были растрепанными, бородатыми и грязными до черноты⁵⁰. Их внешний вид так контрастировал с офицерами в машинах, что все только диву давались, когда мрачная кавалькада пересекла границу рейха. Ходили дикие слухи и черные шутки. От одной семьи ефрейтор услышал: «Вчера вечером болтали, мол, в Кайзерслаутерне сам фюрер машины осматривал». Привилегии офицеров и то, как страдал обычный ландсер, приводили в негодование и мирных голландцев: «“Господа” ехали, забив машины добром под завязку, а *пехтура* следом плелась»⁵¹.

В Германии совершенно по-разному отнеслись к солдатам с Восточного фронта и к тем, кто воевал на Западном – Westfrontkämpfer. Все подозревали, что на Западе, за четыре года легкой оккупации во Франции и в Нидерландах, немецкая армия просто размякла. «Люди здесь, на Западном фронте, добрых чувств к солдатам не питают, – писала одна женщина мужу. – Да и мне кажется, будь здесь солдаты с Востока, никакого прорыва не случилось бы»⁵².

ции.

⁴⁵ Луис ван Эрп. – CRCP 120/18.

⁴⁶ П. Нуа. – CRCP 93/5.

⁴⁷ Рексизм – идеология «движения Рекс», фашистского движения в Бельгии, основу которого составляли члены правых католических организаций.

⁴⁸ Didden and Swarts. Einddoel Maas. P. 22.

⁴⁹ Полевая комендатура Утрехта, 28.12.43. – Пункт контроля полевой почты 1944. – BArch-MA, RW 37/v21, цит. по изд.: Gerhard Hirschfeld. Nazi Rule and Dutch Collaboration: The Netherlands under German Occupation 1940–1945. Oxford, 1988. P. 307.

⁵⁰ Голландское «мофы» (moffen) как обозначение немцев – эквивалент английского «краут» (kraut) или французского «бош» (boche). Восходит к XVII в., когда земли Северной Германии на восток от Нидерландов назывались «Muffe». Гораздо более богатые и утонченные голландцы смотрели на жителей этих районов свысока и считали их мужланами. Термин возродился в дни немецкой оккупации. – *Прим. автора.*

⁵¹ Письмо ефрейтору Лобшеру, 7.9.44. – Пункт контроля полевой почты 1944. – BArch-MA RH13/49, 24.

⁵² Фрау Кр. Янсен, Нидербибер-Нойвид, 17.9.44. – Пункт контроля полевой почты 1944. – BArch-MA RH13/49, 42.

Один пулеметчик, подтверждая впечатление от краха на Западном фронте, писал домой: «Не передать, на что это похоже. Это не отступление, а бегство»⁵³. И все же он признал: отход организован был хорошо. «В машины закидывали шнапс, сигареты и сотни жестянок с жиром и мясом». Немецкие оккупационные власти воровали что могли. Церковные колокола они и так уже забрали на расплавку, а теперь поспешно отправляли в рейх сырье, особенно уголь и железную руду, и все норовили сами заскочить в вагон. Такие действия они оправдывали тем, что не должны оставлять «экономическое преимущество» союзникам⁵⁴. Применяли и тактику выжженной земли. В Эйндховене⁵⁵ немцы разрушили аэродром и склад боеприпасов, и над городом прокатились жуткие взрывы, а солнце закрыла огромная дымная пелена.

Доставлять все эти ресурсы в рейх было непросто. В первой половине сентября подпольщики устроили ряд диверсий. Но один немецкий офицер заметил, что «движение поездов почти парализовано не от нехватки топлива, а из-за атак английских летчиков-истребителей, расстрелявших большинство локомотивов»⁵⁶. К ужасу и даже гневу голландского правительства в изгнании, летчики Королевских ВВС не смогли устоять перед искушением подорвать локомотивы: ну как же, ведь взрыв пара так эффектно выглядит!

Мирное население довольствовалось лишь зрелищем паниковавших «партийцев» из NSB и их семей, отчаянно стремившихся сбежать в Германию. В одном городке к юго-западу от Арнема их тяготы вызывали лишь злорадство – Schadenfreude. «Ох, чудный был вид, – вспоминал позднее местный житель Пол ван Вели. – Вокзал был как лавка старьевщика, полная бродяг. Слезы. Головы никто не поднимает»⁵⁷. Около 30 тысяч членов NSB и их семьи отправились в Германию, но в разлуке последних месяцев войны там было не до них. Как сказал один историк, «де-факто организованный фашизм в Нидерландах рухнул 5 сентября»⁵⁸.

Во время своеобразного междуцарствия, пока голландская полиция, игравшая весьма двусмысленную роль в дни оккупации, не казала носу, подпольные группы похитили членов NSB и даже нескольких немецких чиновников. Некоторых вскоре освободила немецкая полиция. В тот «безумный вторник» рейхскомиссар Артур Зейсс-Инкварт объявил чрезвычайное положение. «Соппротивление оккупационным силам будет подавлено оружием в соответствии с приказами, данными немецким войскам»⁵⁹. Он продолжал угрожать смертной казнью за малейшее противодействие.

Многие немецкие офицеры злились, что голландцы готовились приветствовать своих англосаксонских освободителей цветами и флагами. Нацисты, как обычно, путали причину и следствие. Вероломно вторгшись и оккупировав нейтральную страну, они все еще ожидали, что население останется верным им. «Голландцы не просто трусливы, но ленивы и медлительны»⁶⁰, – с горечью писал обер-лейтенант Хельмут Гензель.

А вот многие солдаты считали иначе. Те, кто устал от войны, иронизировали: «Моя жажда героической смерти полностью утолена»⁶¹. Немцы из рейха, что жили или работали в Голландии, даже глубокие старики, были потрясены, когда в дни кризиса их призвали под ружье.

⁵³ Стрелок Феликс Шефер, радиопункт ОКВ, 10.9.1944. – WLB-SS.

⁵⁴ HKNTW. P. 266.

⁵⁵ RHCE D-0001 Nr. 2042.

⁵⁶ Обер-лейтенант Хельмут Гензель, 15.9.1944. – Базовый армейский сборный пункт Нидерландов, 36.610. – WLB-SS. О правительстве Нидерландов в изгнании и атаках на локомотивы. – TNA FO 371/39330.

⁵⁷ Пол ван Вели. – CRCP 122/5.

⁵⁸ Hirschfeld. Nazi Rule and Dutch Collaboration. P. 310.

⁵⁹ Deutsche Zeitung in den Niederlanden. – TNA FO 371/39330.

⁶⁰ Обер-лейтенант Хельмут Гензель, 4.9.44. – Базовый армейский сборный пункт Нидерландов, 36.610. – WLB-SS.

⁶¹ Подробности битвы за Арнем. – GA-CB 2171/1.

«Они носят гражданскую одежду под униформой, надеясь сбежать, – писал один сочувствующий голландец, – но с них не спускают глаз»⁶².

«Очень влажно, похоже, будет гроза, – отметил в дневнике адмирал Рамсей. – Англичане в Брюсселе и Антверпене. В последнем порт почти не поврежден, но он, конечно, бесполезен до тех пор, пока не зачистят устье и подходы»⁶³. Коллеги в хаки не разделяли тревог адмирала: они все еще пребывали в эйфории после своего великого наступления.

Продвижение 11-й бронетанковой дивизии в Антверпен «было чрезвычайно трудным из-за невероятной радости и восторга огромнейших толп»⁶⁴. Немцы так поразились, что лишь немногие из них вступали в схватку. Самое главное, Сопrotивлению удалось обезопасить портовые сооружения и не дать немцам разрушить их в последнюю минуту. Подпольщики оказали и «немалую помощь в работе со снайперами и пленными». Пленных немцев заперли в пустых клетках в зоопарке Антверпена: в одной – офицеров, сержантов и солдат; в других – предателей и пособников, отдельно – их жен и детей, а также девушек, обвиняемых в том, что спали с немцами. Животные умерли от голода или были съедены во время оккупации.

Чтобы защитить узкий коридор продвижения союзников к Антверпену, войска отошли в сторону. Шервудские рейнджеры достигли Рёне, города к югу от Гента, совершив 400-километровый бросок от поля для крикета, где играли восемь дней тому назад, и со своими «Шерманами» окружили немецкий полк – примерно 1200 солдат. Переговоры затянулись. Немецкий командир, «щеголеватый толстяк-коротышка с бычьей шеей»⁶⁵, твердил, мол, его офицерская честь требует хотя бы притвориться, что он оказал сопротивление. Время было потрачено впустую, но рейнджеры знали, что это лучше, чем односторонняя битва, которая займет больше времени.

Оберст наконец согласился сдаться вместе с солдатами в тот же вечер при условии, что никого из них не выдадут Сопrotивлению. Он настоял на том, чтобы обратиться к своим бойцам, минут пятнадцать уверял их, что это достойная капитуляция, затем кивнул штабс-фельдфебелю, тот выкрикнул приказ, и все как один подняли винтовки и разбили приклады о дорогу, а потом каждый вскинул правую руку и трижды прокричал нацистское приветствие: в тот миг это казалось довольно парадоксальным. Бойцы Сопrotивления, лишенные возможности отомстить, сердито наблюдали, как бывших оккупантов ведут в лагерь для военнопленных.

Две бронетанковые дивизии Хоррокса после драматического рывка остановились в Антверпене и Брюсселе – обслужить машины и отдохнуть. Машину Хоррокса на дороге в Брюссель обстрелял настигнутый немецкий танк. Потом броневики 2-го кавалерийского полка Его Величества отправили обратно – патрулировать дорогу, – а командир корпуса разместил свой штаб в парке дворца Лакен. Город, продолжая ликовать, устроил очередное триумфальное шествие. За Гвардейской бронетанковой дивизией проследовала бригада бельгийских войск, выдвинутая для участия в торжестве. Офицер-гвардеец вспоминал: «Услада глазам: весь Брюссель вышел на улицы и приветствовал солдат, а конвой бельгийцев из “Белой армии”, паля в воздух из винтовок, вел группы пленных»⁶⁶.

Вскоре группа гвардейцев, один пехотный батальон и один танк двинулись на восток от Брюсселя – захватить Лувен (Лёвен по-фламандски). Многие в полку при этом вспомнили, как отступали в Дюнкерк четыре года тому назад. Вернулся в старые места и фельдмаршал Монт-

⁶² Дневник одного гражданина. – ААМН.

⁶³ 4.9.44. – Robert W. Love and John Major (eds.). The Year of D-Day: The 1944 Diary of Admiral Sir Bertram Ramsay. Hull, 1994. P. 131.

⁶⁴ NARA RG407, 270/65/7/2.

⁶⁵ Stuart Hills. By Tank into Normandy. London, 2003. P. 153–154.

⁶⁶ TNA WO 171/837.

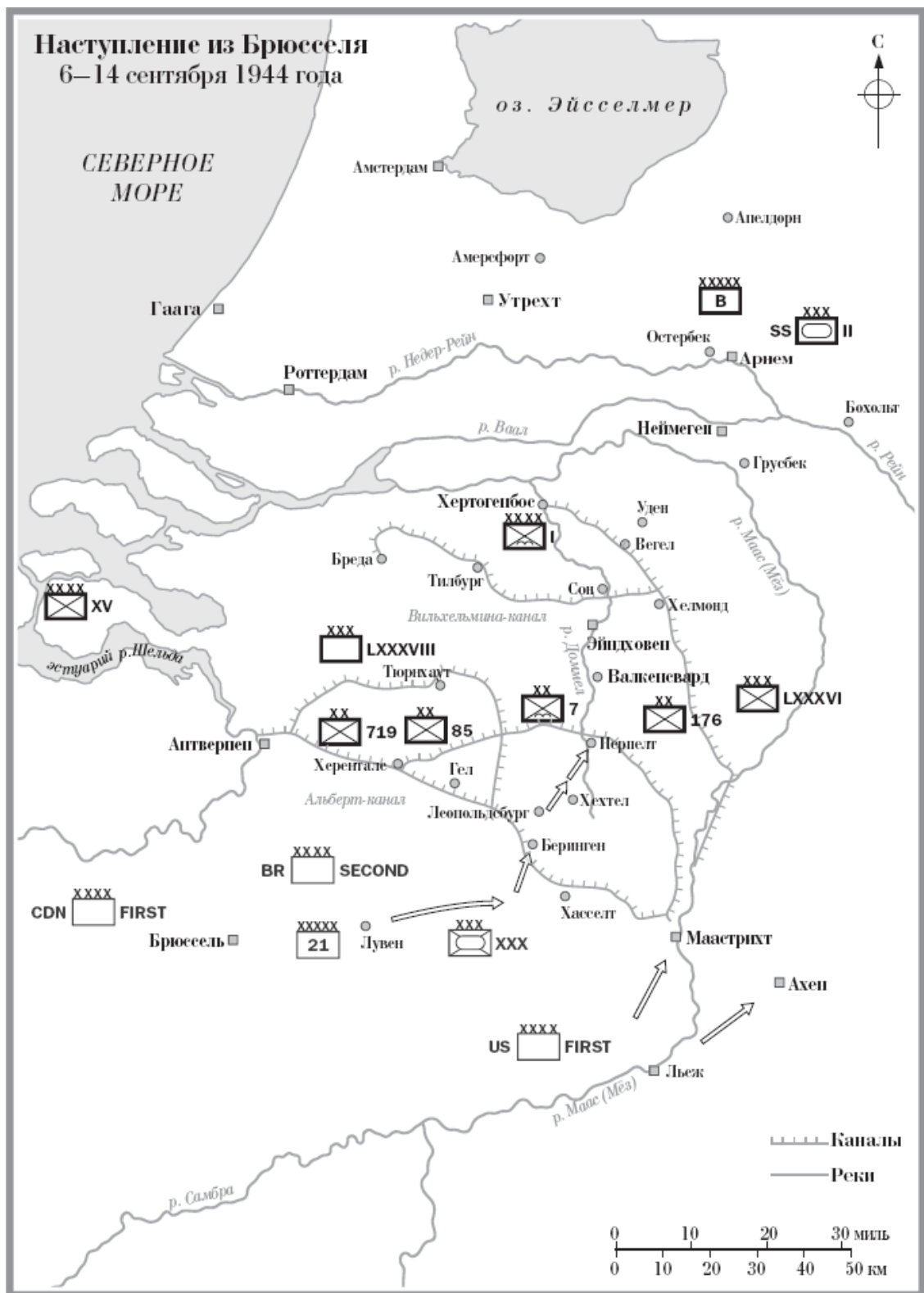
гомери. Он устроил штаб в Шато д'Эверберг, в пятнадцати километрах к востоку от Брюсселя по дороге в Лувен. Монтгомери хорошо знал это место. В этом здании XVIII века, позже перестроенном, поздней весной 1940 года – четыре с лишним года назад – размещался штаб 3-й дивизии. Владелица замка, принцесса де Мерод, гостям не обрадовалась. Она прекрасно помнила, как штабисты Монтгомери истожили ее винный погреб, и не могла не чувствовать, что с ее домом обращаются «точно с гостиницей»⁶⁷. Утром оттуда умчались летчики-истребители люфтваффе из JG 51 – знаменитой истребительной эскадры «Мёльдерс», – но не прошло и трех часов, как на их место пришли англичане.

К концу первой недели сентября нехватку топлива начали испытывать и 21-я группа армий Монтгомери, и 12-я группа армий Брэдли. 6 сентября помощник Брэдли Честер Хансен написал: даже командующим корпусом «приходилось брать взаймы канистры бензина для своих машин»⁶⁸. Ни один из портов Ла-Манша еще не был открыт, поэтому поставки с запада Нормандии осуществлялись непрерывными челночными рейсами тысяч грузовиков, известными как Red Ball Express⁶⁹; за рулем сидели афроамериканцы. «Огромные автоколонны Red Ball Express, – добавил Хансен, – мчат по шоссе, везут тонны, многие тонны бензина, делая пятьдесят миль в час, и всю ночь напролет их яркие фары озаряют дорогу».

⁶⁷ Alistair Horne, David Montgomery. *The Lonely Leader: Montgomery 1944–1945*. London, 1994. P. 328.

⁶⁸ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

⁶⁹ Масштабная операция Второй мировой войны по снабжению передовых частей союзников, действовавших во Франции. Проходила с 25 августа по 16 ноября 1944 г.

Наступление из Брюсселя. 6–14 сентября 1944 г.

Гвардейская бронетанковая дивизия в Брюсселе получила приказ продвинуться вдоль Альберт-канала в Леопольдсбург, недалеко от границы с Нидерландами, а затем продолжить путь в Эйндховен. Ожидалось лишь «небольшое противодействие», чуть более сильное «на

каналах и мостах»⁷⁰. Нашли большой склад со спиртным для вермахта, и Ирландская гвардия, отправив туда грузовик, набрала двадцать восемь ящиков с шампанским, вином и ликерами – поддать топлива триумфальному наступлению. Гвардейцам удалось закрепиться на Альберт-канале в Берингене, несмотря на то что немцы взорвали мост. За ночь саперный эскадрон соорудил взамен мост Бейли.

К середине следующего дня Гвардейская бронетанковая дивизия пришла к выводу: «Хватит цветов, фруктов и поцелуев, пора заняться делом»⁷¹. Соппротивление вдруг усилилось. «День был сложным, и в какой-то миг, когда отчаянные немцы – офицер и сорок эсэсовцев – захватили ближайшие баржи, подбив до этого не меньше сорока машин снабжения, даже казалось, что мы упустим мост». «Валлийцы и Колдстрим огребли по полной», – отмечено в журнале боевых действий и там же добавлено: «Эсэсовцев надо убивать или ранить. Но предпочтительнее первое».

Наблюдательные мирные голландские граждане уже заметили изменения в военных действиях Германии, даже когда колонны угрюмых солдат все так же отступали через их город. Один очевидец в Эйндховене отметил: «Немцы отступали и в понедельник, но начинается отпор. Большая группа, замаскированная ветками, прошла через город к бельгийской границе»⁷².

После того как 4 сентября англичане захватили Антверпен, в «Волчьем логове» – штабе фюрера в Восточной Пруссии – метали громы и молнии. Гитлер, узнав об этом, напрочь забыл, почему в конце июня уволил генерал-фельдмаршала Герда фон Рундштедта, и вновь призвал его на службу – главнокомандующим Западным фронтом. Генерал-oberст Курт Штудент находился в Берлине, на острове Ванзее, в штабе парашютных войск люфтваффе, когда вдруг раздался звонок из «Волчьего логова». Штудент, создатель парашютных войск, командовал воздушными операциями в Нидерландах в 1940 году и на Крите в 1941-м. Гитлер приказал ему «выстроить новую полосу обороны вдоль Альберт-канала и удерживать ее неопределенно долгий срок»⁷³. Формирование под началом Штудента напыщенно называли 1-й парашютной армией. По словам одного из самых циничных его офицеров, выбирал Гитлер так: «Фюрер, “величайший полководец всех времен”, сказал себе: “Кто защитит Голландию? Лишь тот, кто ее завоевал”. Вот Штудент и поехал в Нидерланды»⁷⁴.

Штуденту пришлось взять всех парашютистов, что у него были, начиная с 6-го парашютного полка оберст-лейтенанта Фридриха фон дер Гейдте. Он ввел и новые формирования, те в учебных заведениях и даже наземная команда люфтваффе превратились в пехотные батальоны. Гейдте, ветеран воздушного вторжения на Крит в 1941 году, подверг критике способ превращения необученных бойцов люфтваффе в парашютистов. «Эти новые парашютные “Divisionen” – второсортные зенитные дивизии, – говорил он сослуживцам. – Неприкрытое тщеславие Геринга... Он, видно, думает: “Если наступит мир, не понимаю, почему своя армия только у Гимmlера”»⁷⁵.

6-й батальон люфтваффе (для особых миссий) набирали из штрафников, вернувшихся из Италии. Он состоял из летчиков и бойцов наземных команд, осужденных за преступления, и из офицеров, уволенных за несоответствие. Жалкий арсенал. Все еще тропическая форма! Даже прославленный полк Гейдте был тенью самого себя после сражений с американской 101-й

⁷⁰ Журнал боевых действий, 2-й бронетанковый батальон, Ирландская гвардия. – TNA WO 171/1256.

⁷¹ TNA WO 171/837.

⁷² Дневник госпожи Криларс. – RHCE D-0001/1383/2042.

⁷³ ALDS.

⁷⁴ Гейдте. – TNA WO 208/4140 SRM 1180.

⁷⁵ CSDIC. – TNA WO 208/4140 SRM 1156.

воздушно-десантной дивизией (далее – ввд) в Нормандии. «Боевая мощь полка была слабой, – сообщал он. – Бойцы не были единым целым. Новобранцы составляли три четверти солдат и были едва обучены. Сотни солдат никогда не держали в руках оружия! Впервые выстрелили в первом бою!»⁷⁶

Из новых полков три объединили в 7-ю парашютную дивизию⁷⁷. Командование Штудент доверил своему начальнику штаба генерал-лейтенанту Эрдманну. В распоряжении Штудента находились также 719-я пехотная дивизия береговой обороны и 176-я пехотная дивизия, состоящая в основном из батальонов с выздоравливающими и хронически больными. Ими командовал штаб 88-го армейского корпуса под началом генерала пехоты Ганса Рейнгхарда, «спокойного и опытного общевойскового командира»⁷⁸. Да, и он получил бригаду штурмовых орудий, в том числе несколько тяжелых «Ягдпантер», но у его «маленькой и немобильной»⁷⁹ армии было лишь двадцать пять танков вдоль фронта, растянутого почти на 200 километров на участке от Северного моря до Маастрихта. Парашютная армия Штудента переходила под командование группы армий «В». Не имея артиллерии, генерал-oberst приказал доставить зенитные части из Воздушного флота «Рейх»: их 88-мм зенитки были также невероятно эффективны против танков. «А потом, – писал он, лишь слегка приукрасив, – можно еще раз восхититься удивительной точностью немецкой организации и Генштаба. Все эти войска, разбросанные по всей Германии, от Гюстрова в Мекленбурге до Битша в Лотарингии, были отправлены к Альберт-каналу на поездах Blitztransport и прибыли 6 и 7 сентября, через 48 и 72 часа после запроса. Примечательней всего было то, что в момент прибытия войск на станцию из других областей Германии уже доставили оружие и технику для пяти только что сформированных парашютных полков»⁸⁰.

Не обошлось и без негативной спонтанной реакции на стремительное отступление. 4 сентября генерал-лейтенант Курт Хилл с остатками своей 85-й пехотной дивизии остановился в Тюрнхауте; узнав, что британцы вошли в Антверпен и Брюссель, он развернул бойцов и распределил их вдоль Альберт-канала. После Нормандии в дивизии Хилла не осталось солдат даже на один полк. Он отступил через Брюссель, забрав по пути батальон с едва вооруженными бойцами резерва. Совершенно случайно, встретив офицера связи 85-й дивизии, генерал Рейнгард узнал, что Хилл собирает оставших и захватывает все отступающие артиллерийские подразделения, – и встревожился. Отходящие немцы устроили полосу обороны вдоль Альберт-канала между городами Хасселт и Херенталс.

Так 85-я дивизия стала одним из ключевых формирований парашютной армии Штудента⁸¹. Повсюду офицеры и ненавистные полевые жандармы – Kettenhunde, «цепные псы», прозванные так из-за металлического воротника на застежке, – хватали оставших и под угрозой смерти загоняли в наспех формируемые воинские подразделения. Во время отступления назначили коменданта района, и, как объяснил один из офицеров: «Он имел право остановить любого, вплоть до obersta, и заставить того немедленно отправиться в бой – если потребуется, под дулом пистолета»⁸².

Во вторник, 5 сентября, Штудент прилетел повидаться с Моделем в Вербье, у Льежа. Он утверждал, что единственной надеждой на получение количества войск, необходимого для удержания фронта, была 15-я армия генерала Густава Адольфа фон Цангена. Подкрепления

⁷⁶ BArch-MA RL33/115.

⁷⁷ Генерал-oberst Курт Штудент. – FMS B-717.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ О 85-й дивизии Хилла в то время см.: Jack Didden. A Week Too Late? // John Buckley and Peter Preston-Hough (eds.). Operation Market Garden: The Campaign for the Low Countries, Autumn 1944. Solihull, 2016. P. 74–98.

⁸² Майор Запп, 16-й охранный полк. – TNA WO 208/4140 SRM 1126.

оттуда действительно поступали – о, хвала англичанам, решившим остановиться в Антверпене и не захватывать эстуарий Шельды! Через устье этой реки солдат и орудия переправляли на баржах ночью, чтобы избежать воздушной атаки союзников. Последним этот провал в окружении столь значительных сил аукнулся в конце месяца, когда немцы ударили по западному флангу американских десантников, защищавших северные подступы к Арнему.

Штудент отправился повидаться и с генералом Рейнгардом из 88-го армейского корпуса. По дороге он увидел, как тяжеловозы тянут повозки с бойцами 719-й дивизии: мрачное напоминание о том, как Германия обнищала в войне. На следующий день, 6 сентября, когда генерал-лейтенант Хилл наконец-то смог отчитаться перед Штудентом, британские танки пересекли канал в Берингене. Штудент приказал Хиллу взять 6-й парашютный полк Гейдте и батальон 2-го парашютного полка и контратаковать при поддержке армейского батальона «истребителей танков». К северу от Берингена, в деревне Беверло, шли ожесточенные бои, и Гвардейская бронетанковая дивизия лишилась нескольких танков, подбитых из «панцерфаустов».

Командиры союзников недооценили энергию генерал-фельдмаршала Вальтера Моделя, которого Гитлер в дни нормандской катастрофы назначил командующим группой армий «В». Модель, невысокий, коренастый, с моноклем, был совершенно не похож на аристократических штабистов, которых фюрер просто ненавидел. Из скромной семьи, популярный в народе, Модель был неизменно предан Гитлеру, а тот, в свою очередь, безоговорочно доверил именно ему роль «пожарного» в преодолении кризиса на Восточном фронте.

Офицеры к Моделю относились неоднозначно. Один командир полка в танковой дивизии СС сказал: «Модель – могильщик Западного фронта»⁸³. Другой из той же дивизии явно им восхищался: «Он – первоклассный импровизатор. Исключительно хладнокровен, необычайно популярен у солдат, ибо в какой-то мере их любит и не красуется, будто артист. Но штабисты его ненавидят: он с них три шкуры дерет, как и с себя... Модель самоуверен, сила в нем хлещет через край, у него всегда есть новые идеи и по крайней мере три решения любой неловкой ситуации, и он – абсолютный самодержец. Он не потерпит никаких возражений»⁸⁴. Еще один высокопоставленный офицер согласился с тем, что Модель никогда не позволял подчиненным ему перечить⁸⁵ и был словно «маленький Гитлер»⁸⁶.

Зрелище отступления из Франции привело в ужас генерала авиации Фридриха Кристиансена. Он считал, что вид грязных, растрепанных беглецов деморализовал его собственные войска, поэтому на мостах через главные реки, особенно через Ваал, бойцов останавливали и отправляли во временные боевые формирования – Alarmeinheiten.

Кристиансен, один из трех представителей нацистской власти в оккупированных Нидерландах, был асом Первой мировой и летал на гидросамолете. Он прославился не умом, а лишь тем, что страстно восторгался фюрером и беспрекословно подчинялся рейхсмаршалу Герингу. Его вторым командующим был генерал-лейтенант Хайнц Хельмут фон Вюлиш, старый прусский ветеран, собравший штаб единомышленников. Кристиансен подозревал всех и вся. После «заговора генералов» он пытался завербовать шпионов, ибо считал Вюлиша предателем, по крайней мере вероятным. «Он был виновен, – настаивал Кристиансен после войны. – И покончил с собой»⁸⁷, – добавлял он, как будто это доказывало его правоту.

⁸³ Оберштурмбаннфюрер Лёнхольдт, 17-я тгд СС. – TNA WO 208/4140 SRM 1254.

⁸⁴ Штандартенфюрер СС Лингнер. – TNA WO 208/4140 SRM 1206.

⁸⁵ Оберст Вилк, комендант Ахена. – TNA WO 208/4364 GRGG 216.

⁸⁶ TNA WO 171/4184.

⁸⁷ GA-CB 2171/1.

Формально нацистской администрацией в стране руководил австрийский рейхскомиссар Артур Зейсс-Инкварт, очкарик-адвокат. В марте 1938 года он организовал аншлюс Гитлера, превратив родную страну в Остмарк, провинцию Великой Германии, стал ее губернатором и оперативно распорядился изъять все имущество у евреев. После вторжения в Польшу он стал заместителем Ганса Франка, печально известного нациста, генерал-губернатора Польши. Затем, после оккупации нейтральных Нидерландов в мае 1940 года, Зейсс-Инкварт, ярый антисемит, спровоцировал гонения на всех евреев в стране. К сожалению, голландские чиновники не успели уничтожить административные документы до захвата вермахтом общественных зданий, и в руки нацистов попали списки с указанием религиозной принадлежности жителей. Таким образом были выявлены почти все из 140 000 голландских и иностранных евреев. Теперь, в сентябре 1944 года, Зейсс-Инкварт, сильно переоценив силу голландского подполья, опасался всеобщего восстания и планировал превратить Роттердам, Амстердам и Гаагу в центры обороны.

Третьим и в некотором смысле самым влиятельным из нацистского триумvirата в Нидерландах был другой австриец, обергруппенфюрер СС Ганс Альбин Раутер, высший руководитель СС и полиции. Летом 1942 года, после облав, устроенных нацистами на евреев, прошла волна забастовок и протестов, но они, хоть и были смелыми, только усилили репрессии. Из 140 тысяч евреев около 110 тысяч были депортированы из Нидерландов, и только шесть тысяч пережили войну. Остальные 30 тысяч скрывались или были тайно вывезены из страны, большинство из них спаслись благодаря помощи простых голландцев. Более полутора тысяч из 1700 евреев Арнема были угнаны в немецкие концлагеря и убиты. Некоторых спрятали и спасли бойцы подполья, особенно Йоханнес Пензель и его семья.

Тех, кому удалось сбежать от немцев и бесследно исчезнуть, будь то еврей или нееврей, называли *onderduiker* – «залегший на дно». В некоторых районах евреям было проще укрыться. Около 250 из 500 евреев Эйндховена спаслись в подполье. Вооруженное сопротивление было практически невозможно в стране, где не было ни гор, ни лесов. Голландские подпольщики помогали тем, кому грозила опасность, подделывали документы и продовольственные книжки, добывали разведданные для союзников, переправляли сбитых пилотов по линиям эвакуации в Испанию – через Бельгию и Францию.

Раутер был беспощаден. 2 марта 1944 года он с гордостью сообщил: «Еврейский вопрос в Нидерландах, собственно говоря, можно считать решенным. Еще десять дней, и последние чистокровные евреи будут вывезены из лагеря Вестерборк на Восточный фронт»⁸⁸. Он также распорядился устроить жестокие репрессии за акты сопротивления, впоследствии названные «систематическим терроризмом против народа Нидерландов». Выдающихся голландцев брали в заложники и казнили. После того как подпольщики взорвали поезд, немцы захватили графа Отто ван Лимбург-Штирума, дядю Одри Хепбёрн, жившей в те дни недалеко от Арнема, и казнили его и еще четверых 15 августа 1942 года. В заложники немецкие власти брали в основном врачей и учителей. К 1944 году, непрестанно ожидая вторжения союзников, они стали нервными и жестокими и за любой саботаж или убийство немецких солдат неизменно карали репрессиями.

«Безумный вторник» имел и трагические последствия. В общей панике эсэсовцы решили эвакуировать 3500 оставшихся пленных в концлагерь в Вюгте (у немцев он назывался «Герцогенбуш»). В Нидерландах к тому времени почти не осталось евреев⁸⁹. Среди пленных их тоже была горстка – голландцы, французы и бельгийцы. Примерно 2800 мужчин отправили в Заксенхаузен, а более 650 женщин – в Равенсбрюк.

⁸⁸ RvOD. P. 615. О судьбе евреев Арнема см.: Margo Klijn. *De stille slag. Joodse Arnhemmers 1933–1945*. Westervoort, 2014. Евреи в Эйндховене. – Margry. *De Bevrijding van Eindhoven*. О концлагере в Вюгте. – Didden, Swarts. *Einddoel Maas*. P. 26. О Заксенхаузене и Равенсбрюке. – HKNTW. Vol. viii. P. 61.

⁸⁹ J. Presser. *Ashes in the Wind: The Destruction of Dutch Jewry*. London, 1968. P. 495.

Оккупационный режим в Нидерландах был, вероятно, самым жестоким во всей Западной Европе. Немецкие нацисты надеялись, что голландцы – как арийцы – присоединятся к их делу. Раутер даже настоял на том, чтобы назвать голландскую СС «германской». Поэтому они были сначала поражены, а затем разгневаны решительным противодействием со стороны подавляющего большинства населения страны. Студентам приказали заявить о поддержке нацистского режима, а всех отказавшихся арестовали 6 февраля 1943 года в ходе массовых облав. Беглецам пришлось исчезнуть и уйти в подполье. Почти 400 тысяч голландцев были призваны на военную службу и отправлены в рейх на принудительные работы – *Arbeitseinsatz*, – практически рабский труд.

Продовольствие, поставляемое в страну, систематически расхищалось. Живущих у побережья насильственно выселили, а обширные участки сельхозугодий намеренно затопили, разрушив дамбы. Эта часть плана Гитлера по защите «Крепости Европы» еще больше ухудшила ситуацию с обеспечением продовольствием, запасы которого и так были до невозможности скудными из-за мародерства немцев. Недоедание начало брать свою дань, особенно с детей. Все чаще отмечались вспышки дифтерии и даже тифа.

На некоторых секретных объектах случалось и похуже. Генерал-лейтенант Вальтер Дорнбергер, куратор ракетных войск стратегического назначения, позднее рассказывал о деятельности своего сослуживца, штандартенфюрера Бера; разговор тайно записали в британском лагере для военнопленных. «В Нидерландах он заставил голландцев строить места для «Фау-2», – говорил Дорнбергер коллегам-офицерам, – затем собрал их вместе и расстрелял из пулеметов. Открыл бордели для солдат, набрал туда двадцать голландок. Через две недели девушек застрелили, чтобы не разболтали ничего, что могли узнать, и привезли новых»⁹⁰.

К сожалению, голландцы страдали не только от вражеских оккупантов, но и от союзников. Самые непростительные за всю войну провалы лондонского Управления спецопераций повлекли за собой серию предательств среди голландских агентов, сброшенных с десантом в помощь подполью. Операция абвера «Английская игра» (*Englandspiel*)⁹¹ обманула высших чинов британской разведки и нанесла огромный удар по англо-голландским отношениям. А 22 февраля 1944 года была совершена ужасная ошибка. Когда отозвали часть американских бомбардировщиков, летевших к заводу компании «Мессершмитт» в Готе, группа решила сбросить бомбы на какой-нибудь немецкий город. Не заметив, что они уже пересекли границу Нидерландов, американские бомбардировщики уничтожили большую часть старого города в Неймегене, погибли 800 человек⁹². Увы, но грядущим битвам за освобождение Южной Голландии предстояло привести еще к большим страданиям. И все же голландцы, отчаянно желавшие свободы, оказались не только поразительно смелы, но и на удивление великодушны.

⁹⁰ CSDIC. – TNA WO 208/4178 GRGG 341.

⁹¹ Об операции «Английская игра» см.: M. R. D. Foot. *SOE in the Low Countries*. London, 2001.

⁹² 22.2.44. – HKNTW. Vol. viii. P. 96.

Глава 3

1-я союзная воздушно-десантная армия

В то время как британцы и американцы рвались вперед от Сены к границе с Германией, 1-я британская воздушно-десантная дивизия, вернувшаяся в Британию, кипела от разочарования, ибо отменялась одна операция за другой. «Суббота, 2 сентября, – писал в дневнике майор Блэквуд из 11-го парашютно-десантного батальона. – На инструктаже сказали, высадимся к юго-востоку от Куртре⁹³ – мешать гуннам отступать через Эско⁹⁴. Отменили из-за грозы. Черт бы побрал эту грозу! Воскресенье, 3 сентября. Инструктаж по выброске у Маастрихта. Операцию отменили: янки слишком быстро гонят свои танки. Чертовы янки!»⁹⁵

Бойцы 1-й воздушно-десантной дивизии злились пуще всех: их исключили из операции «День “Д”» (D-Day). Оставленные в резерве на всякий случай, они простаивали уже так долго, что стали циниками. Пару раз операцию отменяли уже тогда, когда солдаты сидели в самолетах и планерах на взлетной полосе.

Первоначальный план, созревший у Монтгомери во вторую неделю июня, подразумевал высадку дивизии в окрестностях Эврисы и подготовку прорыва для захвата Кана. По ряду причин главный маршал авиации сэр Траффорд Ли-Мэллори решительно выступил против – и, скорее всего, был прав, – но он ошибочно напророчил полный крах высадки в «День “Д”», и Монтгомери уверился в том, что летчик просто «бесхребетный трус»⁹⁶.

В августе, после прорыва Паттона из Нормандии, офицеры придумывали одну воздушную операцию за другой. Транспортные самолеты теперь возили горючее для наступающих армий. Генерал-лейтенант Льюис Бреретон, командующий ВВС 1-й союзной воздушно-десантной армией, созданной совсем недавно, пожаловался Верховному главнокомандующему: «Должен подчеркнуть, непрерывные перевозки грузов сделают транспортно-десантное авиационное командование непригодным для успешной воздушно-десантной кампании»⁹⁷. В его словах был свой резон. Именно Эйзенхауэр, назначая Бреретона, настоятельно требовал отдать приоритет улучшению навигационной подготовки 9-го ТАК (Troop Carrier Command⁹⁸) – и не сбрасывать десант невесть где, как в дни вторжения на Сицилию в 1943 году, да и в той же Нормандии.

Затем родилась другая идея – захватить переправы через Сену, но генерал Паттон был уже там. 17 августа начали планировать десант в районе Па-де-Кале, к востоку от Булонь-сюр-Мера. Но затем Бреретон и начальник штаба Монтгомери генерал-майор Фрэнсис де Гинган (он же «Фредди») согласились перенаправить усилия на основной маршрут отступления противника. Главной целью операции «Линнет», намеченной на 3 сентября, были Турне за бельгийской границей и плацдарм над рекой Эско, она же Шельда. 2 сентября операцию отменили с возможностью перехода к «Линнет II», что предусматривало захват плацдармов над Маасом и выброску трех воздушно-десантных дивизий перед 1-й американской армией. На следующий день Монтгомери и Брэдли встретились... и «Линнет II» приказала долго жить.

⁹³ Куртре (*фр.* Courtrai) – город в Бельгии (*флам.* Kortrijk).

⁹⁴ Эско – река во Франции, Бельгии и Нидерландах (на территории Нидерландов – Шельда).

⁹⁵ Майор Дж. Блэквуд, 11-й парашютно-десантный батальон, 4-я парашютно-десантная бригада. – NIOD 244/1237.

⁹⁶ Монтгомери – Фредди де Гингану. – TNA WO 205/5D.

⁹⁷ Бреретон – Эйзенхауэру, 20.8.44. – 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 19. Об отмененных операциях. – Штаб 1-й союзной воздушно-десантной армии, 12.9.44. – NARA RG498 290/56/2/3, арх. кор. 1466. О «Кошечке с Канзаса». – 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 18.

⁹⁸ Troop Carrier Command, ТАК (*англ.*) – Транспортно-десантное авиационное командование.

1-я союзная воздушно-десантная армия была создана генералом Эйзенхауэром 2 августа 1944 года. Несмотря на приверженность Эйзенхауэра идее баланса в отношениях с союзниками, штаб генерала Льюиса Бреретона состоял в основном из офицеров американских ВВС. И там, в Саннингхилл-парке, недалеко от Эско, они наслаждались субботними танцами в клубе и смотрели кино – «Кошечку с Канзаса» и «На телеге по Луизиане».

Единственным британским офицером высшего ранга в 1-й союзной воздушно-десантной армии был заместитель Бреретона генерал-лейтенант Фредерик Браунинг, он же «Бой». Вся эта структура, при которой генерал и штаб ВВС США командовали двумя крупными воздушно-десантными корпусами – американским 18-м и британским 1-м, – неизбежно усложняла приоритеты и роли. Не улучшала положения и сильная взаимная неприязнь Бреретона и Браунинга. Объединяло их только тщеславие. Бреретон, низенький, капризный, ухлестывал за каждой юбкой, за что даже получил упреки от генерала Джорджа Маршалла, американского начальника штаба, человека строжайшей морали.

Браунинг, офицер-гренадер с ястребиным взором, похожий на киношного красавчика, был женат на писательнице Дафне дю Морье (это она выбрала бордовый цвет для берета десантников: таким был «один из цветов генерала на скачках»⁹⁹). Браунинг, несомненно, был отважен, но все время нервничал, а когда нервничал, постоянно трогал себя за усы. Его неприкрытые амбиции, безупречная униформа и повелительная манера не особо нравились другим старшим офицерам, особенно командирам американских десантников. Те считали, что «разлюбезный Браунинг»¹⁰⁰ смотрит на них свысока, манипулирует ими и стремится создать свою империю.

К сожалению, в тот миг, когда напряженность достигла пика, Браунинг сделал неверный шаг и пошел на конфликт с Бреретоном, угрожая уйти в отставку. 3 сентября он выступил с протестом против операции «Линнет II», призванной помочь наступлению Брэдли: «Сэр, имею честь направить свой протест в письменном виде...»¹⁰¹ Он перечислял причины, на основании которых пришел к выводу, что высадить три воздушно-десантные дивизии, одну британскую и две американские, для захвата переправы через Маас между Маастрихтом и Льежем не удастся. На все отводилось менее чем тридцать шесть часов. 1-я союзная воздушно-десантная армия не располагала ни картами для инструктажа войск, ни информацией о расположении противника и зенитной обороне, а истребители союзников не могли обеспечить прикрытие по всему району операций.

Браунинг, несомненно, был прав, но Брэдли и Монтгомери на встрече в тот же день отменили «Линнет II» совершенно по другим причинам: требовалось очень много топлива. В итоге протест Браунинга лишь разжег ярость Бреретона, который, казалось, гораздо сильнее англичан желал помочь силам Брэдли. И какими бы ни были обстоятельства, угроза уйти в отставку не могла остаться без последствий. Браунинг, отчаянно пытавшийся стать командующим воздушно-десантным корпусом до конца войны, прекрасно знал, что в следующий раз его уволят. Его американский коллега генерал-майор Мэтью Риджуэй, командующий 18-м воздушно-десантным корпусом, очень хотел принять командование, а опыта у него было побольше. Риджуэй возглавлял 82-ю ввд в Сицилии, в Италии и в июне – в Нормандии, так что видел гораздо больше воздушных схваток. А Браунинг не летал со времен Первой мировой.

3 сентября, сразу же после встречи с Брэдли (где Монтгомери сделал вид, что согласился не использовать воздушно-десантные войска), фельдмаршал в 16.00 дал незамедлительный сигнал своему начальнику штаба Фредди де Гингану: «Требовать операцию силами одной бри-

⁹⁹ Мисс Клэр Миллер, кавалер ордена Британской империи. – CRCP 107/26.

¹⁰⁰ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

¹⁰¹ Штаб 1-й союзной воздушно-десантной армии. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 19.

танской дивизии и поляков вечером 6 сентября или утром 7 сентября для обеспечения безопасности мостов через Рейн между Везелем и Арнемом»¹⁰². Операции предстояло получить название «Комета».

Де Гинган связался со штабом Бреретона, и в 22.30 начальник штаба Бреретона бригадный генерал Флойд Паркс позвонил генералу Браунингу и передал приказ: «Вам надлежит немедленно подготовить подробные планы воздушной операции вдоль реки Рейн между Арнемом и Везелем»¹⁰³. Браунинг на этот раз не возражал. Он горел решимостью возглавить воздушную атаку, да и для морального состояния 1-й ввд удручающую серию отмен в последнюю минуту уже пора было прекратить.

Браунинг был далеко не одинок в желании использовать воздушные силы самым решительным образом. Командующий 82-й ввд бригадный генерал Джеймс Гэвин и командующий 101-й ввд генерал-майор Максвелл Тейлор стремились доказать, что воздушно-десантные войска имеют решающее значение для победы в войне. Черчилль хотел, чтобы операция подняла слабеющий престиж Британии. А Монтгомери видел в этом шанс «обрести контроль над стратегией союзников»¹⁰⁴.

В создание 1-й союзной воздушно-десантной армии и ее шести с половиной дивизий и американцы, и англичане вложили немалые средства. Хотя в общепринятом смысле то была небольшая армия, она, безусловно, самая крупная и лучше всего оснащенная из всех армий в истории. Генерал Маршалл, председатель Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне, и генерал Генри Арнольд, глава ВВС США, с нетерпением ждали, когда смогут использовать ее в крупной стратегической операции. Американская пресса вздохнула с облегчением о том, что за воздушными операциями – будущее войны. Журнал Time даже считал, что «можно сохранить мир и после войны, создав международную армию»¹⁰⁵. Фантазия... Мечтавшие об этом забыли о главных ограничениях – да о той же сравнительно небольшой дальности полета полностью загруженных самолетов. И подобное заблуждение часто разделяли генералы, а уж они, по идее, должны были знать об этом лучше всех.

4 сентября Браунинг и де Гинган вылетели во Францию, и в 19.00 в штабе 2-й армии Демпси началось совещание. «Обсуждали планы того, как захватить Неймеген и Арнем, – отметил Демпси. – Утром 7 сентября 1944 года я выйду с 30-м корпусом из Антверпена, а воздушно-десантные корпуса сбросят две или три бригады и завладеют мостами»¹⁰⁶.

Британские и польские офицеры, бывшие в Англии, не разделяли энтузиазма начальников насчет операции «Комета». План сбросить десантную бригаду почти в 110 километрах за немецкими линиями и захватить ее силами мост через Недер-Рейн в Арнеме, а польскую отдельную парашютную бригаду под началом генерал-майора Станислава Сосабовского направить на захват Неймегена, огромного моста и высот к юго-востоку от города вызвал иронические замечания: мол, «англичане и поляки всю Голландию сами возьмут»¹⁰⁷. Сосабовский, некогда бывший инструктором в Польской высшей военной школе, на совещании прервал генерал-майора Роберта Уркварта: «Немцы, генерал... Немцы!»¹⁰⁸ Еще он с сарказмом отзывался о «гениях планирования»¹⁰⁹, выдвинувших такую идею. Бригадир Джон Хакетт тоже тревожился из-за наивных предположений вроде «да ладно, мол, все будет хорошо!». Подпол-

¹⁰² M148, бумаги Монтгомери, цит. по изд.: Nigel Hamilton. Monty: The Field Marshal 1944–1976. London, 1986. P. 22.

¹⁰³ 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 253, арх. кор. 5.

¹⁰⁴ Профессор Гэри Шеффилд, презентация в Королевском Объединенном институте оборонных исследований, 20.11.2013.

¹⁰⁵ СВНС, арх. кор. 4, папка 13.

¹⁰⁶ Дневник Демпси, 4.9.44. – TNA WO 285/9.

¹⁰⁷ Лейтенант Стефан Качмарек, польская парашютная бригада. – CRCP 132/38.

¹⁰⁸ Maj Gen R. E. Urquhart (with Wilfred Greatorex). Arnhem. Barnsley, 2008. P. 17.

¹⁰⁹ Генерал-майор Сосабовский. – CRCP 132/45.

ковник Джон Фрост, которому предстояло командовать войсками у Арнемского моста, был откровенен со своими офицерами: «Поверьте мне, это будет кровавая баня»¹¹⁰.

Воодушевленная неоправданным оптимизмом, царившим в штабе на континенте, 1-я союзная воздушно-десантная армия сильно недооценила решимость противника. «Обилие десанта, да еще и при свете дня, – писал их начальник разведки, – может ввергнуть врага в абсолютную панику»¹¹¹. Несмотря на указание Эйзенхауэра, что 1-я союзная воздушно-десантная армия должна поддерживать силы Монтгомери, Бреретон хотел направить ее на помощь Брэдли. 5 сентября, через два дня после согласия на операцию «Комета», он даже одобрил «план вылета американского корпуса и выброски десанта за линией Зигфрида в окрестностях Кёльна»¹¹². Воплотись эта идея в жизнь, она могла бы повлечь за собой ужасную трагедию, ведь немцы бросили бы все силы на защиту города и переправы через Рейн.

Эйзенхауэр настойчиво требовал обезопасить устье Шельды и тем открыть порт Антверпена и захватить немецкую 15-ю армию. Штаб Монтгомери отреагировал только 8 сентября, потребовав высадки воздушного десанта на остров Валхерен, несмотря на то что планировалось начать операцию «Комета». На этот раз против были и Браунинг, и Бреретон. Первый «считал, что ВВС могут достичь почти того же результата, атакуя суда, на которых эвакуируют войска с южной части эстуария Шельды»¹¹³, но это было трудно: немцы проводили операции только по ночам. Бреретон отклонил проект: «Небольшой размер острова грозит чрезмерными потерями, и могут утонуть слишком много солдат»¹¹⁴. Валхерен не подходил для планеров, а его зенитная оборона была очень сильной.

Беспечность, с какой 1-я союзная воздушно-десантная армия и штаб Монтгомери предлагали один план за другим, просто не укладывалась в голове. Бригадир Эдгар Уильямс, главный разведчик Монтгомери, позже признал: «Мы работали не так серьезно, как над планом “Дня ‘Д’”. Наслаждались Брюсселем, веселились на вечеринках. Все трудились, но настрой был неправильным»¹¹⁵. Да и к тому же Монтгомери обсуждал воздушные операции только с Браунингом. Он не хотел советоваться с ВВС, хотя после хаоса в Сицилии и Военное министерство, и Министерство авиации договорились, что именно они возглавят планирование. А Браунинг, вероятно, не хотел признавать перед фельдмаршалом, что реальные решения будут принимать офицеры ВВС США в штабе Бреретона. В любом случае отсутствие связи между землей и воздухом было фактом, достойным сожаления, а то и скандальным, что отражалось даже на авиации. Ли-Мэллори вынужденно писал Бреретону, что не смог пригласить на совещания командиров ВВС 38-й и 46-й групп, чьи «транспортники» должны были стать неотъемлемой частью операции «Комета».

9 сентября Сосабовский в сопровождении командира 1-й ввд генерал-майора Уркварта встретился с Браунингом в Мидлендсе, на базе ВВС «Коттесмор». Обсуждали «Комету». «Сэр, мне очень жаль, – заявил Сосабовский без лишних предисловий, – но эта миссия не будет успешной»¹¹⁶.

«Почему?» – потребовал ответа Браунинг.

Сосабовский ответил, что с такими малыми силами это самоубийство. Браунинг попытался польстить: «Сосабовский, послушайте, разве есть хоть что-то, чего не в силах исполнить “красные дьяволы” и доблестные поляки?» Сосабовский, хоть и не впечатленный столь грубым

¹¹⁰ Лейтенант Робин Власто, рота “А”, 2-й парашютно-десантный батальон. – CRCP 111/7.

¹¹¹ 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG498 290/56/2/3, арх. кор. 1466.

¹¹² FLPP, арх. кор. 2.

¹¹³ 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG498 290/56/2/3, арх. кор. 1466.

¹¹⁴ Бреретон – Монтгомери, 9.9.44. – TNA WO 205/197.

¹¹⁵ Бригадир Э. Уильямс. – FCPP, арх. кор. 24. О промахе Бреретона, не пригласившего командиров авиационных частей 38 и 46-й групп. – Ли-Мэллори, письмо Бреретону, 6.9.44. – NARA RG331, запись 253, арх. кор. 5.

¹¹⁶ Сосабовский. – CRCP 132/45; PISM A.v.20 31/19.

комплиментом, ограничился замечанием: «Силы человеческие не беспредельны» – и сказал Уркварту, что должен будет получить все приказы в письменном виде, ибо отказывается нести ответственность за такую катастрофу. Браунинг, даже косвенно признав, что сил может не хватить, глубоко оскорбился.

В Бельгии генерал Демпси только что пришел к тем же выводам, что и Сосабовский. Накануне он вызвал генерала Хоррокса из 30-го корпуса на аэродром в Брюссель для быстрого совещания. Как и ожидалось, Хоррокс подтвердил, что их плацдарм над Альберт-каналом «столкнулся с сильным сопротивлением врага»¹¹⁷. На следующий день Демпси выразил свои опасения фельдмаршалу и снова полетел к Хорроксу. «Понятно, – писал он в дневнике, – что враг бросает все подкрепления на защиту Альберт-канала и высоко ценит область Арнем – Неймеген. Похоже, немцы намерены удержать ее любой ценой. В таком случае реализация любой миссии, связанной с быстрым продвижением на северо-восток, кажется маловероятной. Из-за ситуации с техобслуживанием мы не сможем вступить в настоящий бой еще дней десять, а то и две недели. Верно ли будет направить 2-ю армию в Арнем? Или лучше удерживать левый фланг вдоль Альберт-канала и вместе с 1-й армией ударить на восток, по Кёльну?» Но это было последнее, чего хотел Монтгомери. Он стремился пойти на север, а еще – обрести поддержку со стороны американцев.

Наутро, в воскресенье, 10 сентября, Демпси отправился в штаб Монтгомери и сумел убедить фельдмаршала, что «ввиду увеличения численности [немцев] на фронте 2-й армии в области Арнем – Неймеген одной воздушно-десантной дивизии не хватит. Главнокомандующий дал согласие на использование трех дивизий»¹¹⁸.

Монтгомери понравилась идея отменить операцию «Комета» и провести более масштабную, в ходе которой под его начало переходили две дивизии США, 82 и 101-я. Но, к ужасу Демпси, Монтгомери похвастался еще и сообщением, полученным накануне из Лондона. В Англии взорвались две ракеты «Фау-2», выпущенные, по-видимому, из зоны Роттердама и Амстердама, и правительство срочно запросило оценить, как скоро его группа армий может блокировать территорию. Для Монтгомери, желавшего идти на север через Арнем, а не на восток через Везель, как предпочитали Демпси и другие штабисты, этот запрос лишь стал еще одним кирпичиком в фундамент решения.

На горизонте фельдмаршала было только одно облако, но для него – очень темное. Эйзенхауэр позволил Брэдли и Паттону продвинуться в Саар, на юго-восток от Люксембурга, и не отдал полного приоритета северной группе армий, как рассчитывал Монтгомери. Не улучшали настроения и сбои связи в тактическом штабе Эйзенхауэра в Гранвиле, в 650 км к западу. Монтгомери уже подготовил длинное жалобное письмо фельдмаршалу сэру Алану Бруку, начальнику имперского Генштаба. Он уверял, что никаких «операций» не было, а Верховный главнокомандующий совершенно не в курсе, да и вообще: «Сам Эйзенхауэр ничего не знает о том, как биться с немцами, у него нет людей, подходящих для такого дела, и у него никто ничего не понимает»¹¹⁹.

Демпси вызвал Браунинга в тактический штаб, где они за два часа составили общий план. Новая операция, «Маркет – Гарден», состояла из двух частей. Часть «Маркет» представляла собой воздушно-десантную операцию, в ходе которой 101 и 82-й американским дивизиям предстояло захватить переправы через реки и каналы, ведущие из Эйндховена в Неймеген, а также крупные, самые большие в Европе, мосты через Маас и Ваал. В то же время британская 1-я воздушно-десантная дивизия и польская бригада должны были высадиться у Арнема и

¹¹⁷ Дневник Демпси, 8.9.44. – TNA WO 285/9.

¹¹⁸ Ibid.

¹¹⁹ M524, бумаги Монтгомери, цит. по изд.: Hamilton. Monty: The Field Marshal. P. 44.

занять большой автомобильный мост через Недер-Рейн. Браунинг был доволен, сумев описать операцию «Маркет» как «воздушный ковер», который нужно просто раскатать перед наземными войсками.

В операции «Гарден» планировалось занять в основном 30-й корпус Хоррокса. Его танкам предстояло ехать на север по дороге-однорядке, по обочинам которой тянулись польдеры да редкие лесополосы, до захваченных мостов, а после переправы через Арнемский мост занять воздушную базу люфтваффе в Делене. Затем должна была прилететь 52-я посадочно-десантная дивизия, а оттуда 30-му корпусу предстояло продвинуться более чем на 150 километров от стартовой линии, до самого озера Эйсселмер. Перед 2-й британской армией стояла задача отрезать немецкую 15-ю армию и весь запад Нидерландов, обойти линию Зигфрида, пройти через Рейн и разместить войска так, чтобы потом окружить Рур с севера или даже ударить по Берлину.

Тем временем Монтгомери направился на аэродром Брюсселя – увидеть Эйзенхауэра, прилетевшего со своим заместителем, главным маршалом авиации Артуром Теддером. Встречу запланировали несколько дней назад, и обсуждение воздушной операции в повестке дня не значилось. Эйзенхауэр, все еще страдавший от боли в колене, не мог спуститься с самолета, и совещались на борту. Монтгомери, изливший свой гнев в письме Бруку, тревожился и категорически отказался допустить на совещание начальника снабжения Эйзенхауэра, генерал-лейтенанта сэра Хамфри Гейла, хотя настоял на присутствии его начальника административной службы генерал-майора Майлса Грэма.

«Это вы мне их посылали?»¹²⁰ – потребовал он ответа, размахивая пачкой телеграмм, вынутой из кармана.

«Да, конечно, – ответил Эйзенхауэр. – А что?»

«Это же чепуха! Чистый вздор! Нонсенс!»

Позволив Монтгомери немного поразглагольствовать, Эйзенхауэр склонился вперед, положил руку на его колено и сказал:

«Монти, вам нельзя так со мной говорить. Я ваш босс».

Монтгомери, запнувшись, что говорится, на полном скаку, мог лишь промямлить извинения. Но он по-прежнему продолжал настаивать, что Паттона нужно остановить, а его 21-й группе армий – придать два американских корпуса из 1-й армии Ходжеса и дать «абсолютный приоритет»¹²¹ в поставках, «при необходимости исключив все прочие операции». Эйзенхауэр отверг такое толкование слова «приоритет» и подчеркнул, что цель – не Берлин, а Рур. Он был готов отдать приоритет Монтгомери, но не собирался останавливать Паттона и напомнил, что фельдмаршал уже получил поддержку 1-й союзной воздушно-десантной армии. Затем очень кратко обсудили план последней воздушной операции.

Эйзенхауэр следовал стандартной практике армии США. Согласившись с общей стратегией, он не считал, что должен вмешиваться в дальнейшее. Монтгомери сыграл на этом позже, обернув дело так, будто на этой встрече Верховный главнокомандующий благословил новый план операции «Маркет – Гарден». Они обсуждали только сроки и проблему поставок, и фельдмаршал драматизировал ситуацию, стремясь получить больше. Возможно, было бы лучше, спроси Эйзенхауэр о дальности полета самолетов. Бреретон уже предупредил его, что воздушно-десантные дивизии союзников и соединения транспортно-десантной авиации должны перебраться на континент, иначе расстояние до цели операции на дальнем берегу Рейна окажется непреодолимым. Однако он был «встревожен картиной в тылах, нарисован-

¹²⁰ LHCMA 15/15/48; LHCMA Gale 11/22.

¹²¹ Теддер – Порталу, 10.9.44. – Tedder Papers, Duplicates 1944, July – September. P. 347. – АНВ.

ной Монти»¹²², и согласился посмотреть, можно ли увеличить запасы для 2-й армии Демпси. Грэм, явно знавший ситуацию, полагал, что 500 тонн в день, которые они получали, более чем достаточно для операции «Маркет – Гарден», но не для продвижения на равнины Северной Германии, чего жаждал Монтгомери. И Эйзенхауэр, и Теддер считали «чистой фантастикой» идею похода в Берлин с армией, по-прежнему набиравшей большую часть ресурсов на пляжах к северу от Байё»¹²³. По их мнению, первым следовало открыть порт Антверпена.

Демпси работал быстро. К тому времени как Монтгомери вернулся с аэродрома в Брюсселе в свой тактический штаб, Демпси «определил с Браунингом план операции»¹²⁴ – так он написал в своем дневнике. «Подготовка может завершиться по меньшей мере 16 сентября». Ближе к вечеру у него побывал Хоррокс. «Виделся в штабе с командиром 30-го корпуса. Представил ему план операции, которая будет проводиться воздушно-десантным и 30-м корпусами при поддержке 8-го корпуса справа и 12-го корпуса слева».

Монтгомери хотел представить 1-й союзной воздушно-десантной армии *fait accompli*¹²⁵, одобренный Верховным главнокомандующим, и ему это удалось. Он также решил бросить силы на Арнем, а не на Везель – переправу в последнем явно пришлось бы брать вместе с 1-й американской армией.

Высказывались предположения, что Браунинг тоже предпочитал Везель, но он ратовал за «Комету» и Арнем. Теперь под его началом находились не полторы дивизии, а три с половиной, и сомнительно, что он стал бы противоречить фельдмаршалу. И вряд ли 10 сентября Браунинг в беседе с Монтгомери обмолвился, будто Арнемский мост «слишком далеко»: похоже, они в тот день вообще не встречались. В дневнике Демпси, где говорится об утренней встрече с Монтгомери, о Браунинге не говорится ни слова, а сам он прибыл в штаб Демпси только в полдень, когда Монтгомери встречался с Эйзенхауэром.

Волнение Браунинга было вполне понятным: его воздушно-десантный корпус наконец-то собирался действовать. Из штаба Демпси он отправил в 1-ю союзную воздушно-десантную армию в Саннингхилл-парке единственное кодовое слово – «Новый»¹²⁶. Это означало, что в день его возвращения состоится вечернее совещание по планированию.

Генерал Бреретон, со своей стороны, должен был глубоко оскорбиться тем, что Монтгомери не пытался заранее спросить его совета, и эта обида была бы совершенно оправданна. Эйзенхауэр в изначальной директиве настаивал на совместном планировании. Монтгомери сознательно проигнорировал это указание и написал фельдмаршалу Бруку: «Штабной армии отклонил мой запрос войск, призванных на помощь в захвате Валхерена, и теперь Айк приказывает им делать то, о чем я прошу».

Двадцать семь старших офицеров собрались в конференц-зале в Саннингхилл-парке в 18.00 – заслушать отчет генерал-лейтенанта Браунинга о решениях, принятых в тот день в Бельгии. Там были и Бреретон, и его начальник штаба, бригадный генерал Паркс, и генерал-майор Пол Уильямс из 9-го ТАК, и бригадный генерал Джеймс Гэвин из 82-й ввд, и бригадный генерал Энтони Маколифф из 101-й. Удивительно, но не пригласили ни генерал-майора Уркварта из 1-й ввд, ни генерал-майора Сосабовского. Единственным присутствующим британским офицером, кроме штабистов Бреретона, был вице-маршал авиации Холлинхёрст из 38-й группы. Более чем вероятно, что Браунинг не желал присутствия Уркварта: он хотел держать свои планы под полным контролем.

¹²² LHCMA Gale 11/22.

¹²³ Теддер – Порталу, 10.9.44. – Tedder Papers, Duplicates 1944, July – September. P. 347. – АНВ.

¹²⁴ Дневник Демпси, 10.9.44. – TNA WO 285/9.

¹²⁵ Свершившийся факт (*фр.*).

¹²⁶ TNA WO 205/692.

Браунинг представил разработанный совместно с Демпси график перелетов, основанный на операции «Линнет». Он слегка слукавил и представил дело так, словно все происходящее уже одобрено Эйзенхауэром, хотя Верховный главнокомандующий и в глаза этих планов не видел. Бреретон и его сотрудники в частном порядке отвергли план как «умозрительный набросок»¹²⁷. Браунинг сказал как отрезал: операция пройдет с 14 по 16 сентября, через три дня. Опасно короткий срок.

Бреретон поднял первый ключевой вопрос: будет ли это ночная или дневная операция? Немецкие ночные истребители «были более эффективны, но зенитные снаряды гораздо точнее бьют днем, а не ночью»¹²⁸. Бреретон выбрал день – «с расчетом на то, что верное использование вспомогательных воздушных сил позволит заранее выбить зенитки в ходе самих воздушных операций». Его штабисты утверждали, что «это смелое решение: зенитная артиллерия в районе операции “Маркет” возросла более чем на треть, а самолеты-транспортники, не имевшие ни вооружения, ни герметичных баков, летали на скорости от 120 до 140 миль в час». Но начальник разведки бригадного генерала Гэвина, который тоже присутствовал на совещании, счел эти оценки преувеличенными. По его словам, предложенная Бреретоном «оценка зенитной артиллерии сильно отличается от той, которую я получил от 2-й американской бомбардировочной дивизии всего четыре часа тому назад. Эта дивизия ежедневно летала над Неймегеном»¹²⁹.

Бреретон попросил выступить генерал-майора Уильямса. Слова начальника транспортно-десантного авиационного командования, должно быть, произвели на Браунинга эффект взорвавшейся бомбы. Большинство ключевых предположений, над которыми он и Демпси работали в тот день, были отброшены. «Генерал Уильямс заявил, что в перелет необходимо внести изменения... Расстояние исключает возможность применения двойного буксирного троса... только одинарный»¹³⁰. Иными словами, каждый самолет мог тащить на буксире лишь один американский планер, а не два, как рассчитывали Браунинг и Демпси. На каждый перелет можно было брать лишь половину планеров. А так как шла середина сентября, дни были короче, а утро – туманнее, Уильямс исключил возможность двух перелетов в день.

Выходило, что для доставки дивизий требуется до трех дней – и то если летная погода будет идеальной. Таким образом, в операции «Маркет», воздушной части операции «Маркет – Гарден», в решающий первый день можно было десантировать столько же бойцов, что и в операции «Комета», ведь половину войск следовало оставить позади – охранять зоны десанта и сброса грузов для последующих перелетов. А немцы, определив намерения союзников, могли в последующие дни направить в эти районы войска и огонь зенитных батарей. Можно сказать, что упрямство Уильямса отчасти диктовалось желанием отомстить за намеренный отказ фельдмаршала обратиться за советом к ВВС, но основная вина лежит на Монтгомери, с такой решимостью навязавшем непродуманный план.

¹²⁷ 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 20. См. также: Эйзенхауэр – Бреретону. – 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 19. О списке присутствующих, 10.9.44. – 1-я союзная воздушно-десантная армия, дневник бригадира Флойда Паркса. – FLPP. О Браунинге и планах под контролем см.: Sebastian Ritchie. *Arnhem: Myth and Reality. Airborne Warfare, Air Power and the Failure of Market Garden*. London, 2011. P. 180–81.

¹²⁸ 1-я союзная воздушно-десантная армия. – NARA RG331, запись 254, арх. кор. 20.

¹²⁹ Подполковник Джон Нортон, G-2, 82-я ввд. – CRCP 100/3.

¹³⁰ Дневник Паркса. – FLPP.

Операция «Маркет – Гарден». 17–26 сентября 1944 г.

На следующее утро, 11 сентября, генерал-майор Уркварт посетил совещание Браунинга. Штаб 1-го британского корпуса находился к северо-западу от Лондона – в большой и замысловатой палладианской усадьбе Мур-парк с дивным портиком из коринфских колонн. Браунинг нарисовал на покрытой тальком карте три больших круга – цели трех подразделений. Нарисовав третий, он пристально и нарочито тревожно взглянул на Уркварта и сказал: «Арнемский мост – удержите его»¹³¹.

Позднее подробное изучение местности показало: из-за характера высот к северу от Недер-Рейна в план обороны следовало включать и весь Арнем с населением в 100 тысяч человек, и зоны десантирования за городом. Иными словами, периметр во много раз превышал обычную протяженность фронта, которую могла удержать дивизия. Уркварт не мог не задаться вопросом: а эта цель, самая далекая и опасная, – комплимент боевой силе его 1-й ввд? Или крах дипломатии союзников, неспособной пережить катастрофу, когда англичане командуют американцами? Он сильно подозревал последнее – и был прав.

Следующее совещание прошло в штабе 9-го ТАК в Исткоте, на той же северо-западной окраине Лондона. Офицеры американских ВВС более или менее определяли выбор зон десантирования и сброса груза. В основном их волновала возможность избежать огня немецких зенитных батарей при заходе и выходе. Для простоты и в условиях нехватки времени начальники авиации работали по планам более ранних операций, и все же генерал-майор Уильямс отверг ключевой элемент прежних планов – идею внезапного удара, *coup de main*, силами отрядов на планерах. Вице-маршал авиации Холлинхёрст из 38-й группы ВВС сообщил, что будет только рад взять их на себя. Уильямс отказал: «При обычном рейде отрядам не хватит сил захватить и удержать главные мосты»¹³². Но, согласно записке Холлинхёрста, решение о проведении всей операции «среди бела дня» было принято, «потому что [американская] 8-я воздушная армия не могла управлять истребителями на заре или в сумерках», – вот внезапный налет и отменили. Правила американцев насчет видимости были строже, нежели в Королевских ВВС. Но если бы даже рота высадилась до рассвета, как во время операции «Дэдстик» на мосту Пегас в Нормандии, она привлекла бы на мост все немецкие войска задолго до прибытия основных сил, и Браунинг отказался рассматривать внезапный натиск в дневное время.

Командир 101-й ввд генерал-майор Максвелл Тейлор, отвечавший за первые шестьдесят километров дороги, отказался десантироваться «в семи отдельных областях»¹³³ рядом с семью мостами, которые должен был захватить. Он боялся рассеять подразделение. Число областей сократили до двух, а позже, после встречи с Демпси, область его ответственности за защиту маршрута на север сократили до двадцати пяти километров.

Гэвин тоже был недоволен рассеянием зон десантирования. Уильямс наотрез отказался их менять. По крайней мере 101-й ввд отдавали больше всего самолетов: она находилась ближе всех к базе операции. 82-я стояла следующей в очереди, а британская 1-я получала меньше всех – отчасти потому, что генерал Браунинг присвоил тридцать восемь планеров для своего штаба корпуса. (Позднее немецкие офицеры, анализируя операцию, пришли к другому выводу: они считали, что самую дальнюю дивизию следовало усилить максимально.)

Воздушные маршруты и зоны десантирования определила концентрация немецких зенитных орудий. Транспортно-десантное авиационное командование хотело держаться подальше от ключевых мостов в Арнеме и Неймегене именно из-за ПВО. В Арнеме им к тому

¹³¹ Urquhart, Arnhem, p. 1.

¹³² TNA CAB 106/1133. См. также: Беделл Смит, интервью с Ф. Погом, 13.5.47. – OSMH WWII Interviews. – USAMHI. Докладная записка Холлинхёрста от 11.9.44 любезно предоставлена Д. Хоузом. О том, как Тейлор и Гэвин расстроились, узнав о зонах десантирования. – FCPP, арх. кор. 24.

¹³³ Заметка Бреретона, 11.9.44. – TNA WO 219/4997. О том, как участок ответственности 101-й ввд сократили до 25 км. – Ritchie. Arnhem: Myth and Reality. P. 119.

же угрожал аэродром люфтваффе в Делене, к северу от города. В итоге британскую дивизию должны были десантировать далеко на западе, в десяти, а то и тринадцати километрах от автомобильного моста, и внезапность, важнейший элемент воздушных операций, была потеряна еще до начала полета.

«Одна из величайших трудностей при проведении этой операции заключалась в негибком планировании транспортно-десантного авиационного командования, – отметил главный разведчик Гэвина полковник Нортон. – Наземный план стал почти вторичным по отношению к воздушному»¹³⁴. У генерал-майора Уркварта из 1-й ввд просто не имелось опыта решительных переговоров с ТАК. Он принял те зоны десантирования и сброса груза, которые ему указали. «За летчиками оставалось последнее слово, – писал позже Уркварт, – и мы это знали»¹³⁵. Но эти летчики были твердо уверены, что иных мест нет.

Многие историки, следуя подходу «а вот если бы», уделяли столь много внимания различным аспектам операции «Маркет», что склонны были упускать из виду главное. Ее план изначально был очень плохим. В этом источник всех прочих проблем. Монтгомери не проявил никакого интереса к практическим моментам воздушных операций. Он не потратил времени на анализ хаоса, который творился при десантировании в Северной Африке, на Сицилии, на полуострове Котантен в Нормандии. Начальник разведки Монтгомери бригадный генерал Эдгар Уильямс указал также, что «Арнем зависел от изучения местности, и Монти, когда решился на операцию, его не провел»¹³⁶. Он упрямо отказывался слушать принца Бернарда¹³⁷, голландского командующего, когда тот предупреждал: бронетехнику на высотах, на дороге-однорядке, не развернуть и в низины, на польдеры, ее просто не вывести!

Уильямс также признал, что в 21-й группе армий «оценили врага очень слабо... Очень мало знали о положении дел»¹³⁸. Но превыше всего был факт, так и не признанный официально: успешной операция могла быть только в том случае, если все пройдет как по маслу. А неписанный закон войны гласит: ни один план не остается неизменным после столкновения с врагом. И это было вдвойне верно для воздушных операций. Вероятность, что немцы взорвут в Неймегене огромный автомобильный мост через Ваал, почти не обсуждалась. Сделай они это, и 30-й корпус, возможно, не смог бы вовремя достичь 1-й воздушно-десантной дивизии в Арнеме. Но немцы не уничтожили мост, и это была удивительная и совершенно нехарактерная ошибка, на которую в планах союзников никогда не стоило рассчитывать.

Еще 11 сентября адмирал Рамсей вылетел в Гранвиль, куда Эйзенхауэр вернулся после встречи с Монтгомери на аэродроме Брюсселя. «Пошел повидаться с Айком, он снова в пижаме, мается с коленом, – писал Рамсей в дневнике. – Остался на чай, и он заговорил о Монти, о командовании, о трудностях, о будущей стратегии... Он явно обеспокоен, и виной тому, несомненно, Монти, который ведет себя плохо. Айк не верит в его лояльность, и, вероятно, не без оснований. Он никогда раньше не позволял себе таких бесед со мной»¹³⁹.

В течение нескольких дней Рамсей пытался встретиться с Монтгомери – поговорить об эстуарии Шельды и открытии огромного порта Антверпена. Фельдмаршал его проигнорировал. Насколько он знал, Антверпен решили поручить 1-й канадской армии. Но Монти, одержимый порядком, настаивал на географическом продвижении. Канадцам велели продолжить наступление на побережье и захватить гораздо меньшие и более поврежденные порты Ла-

¹³⁴ Нортон. – CRCP 100/3.

¹³⁵ Urquhart, Arnhem. P. 7.

¹³⁶ FCPP, арх. кор. 24.

¹³⁷ HKNTW. P. 385.

¹³⁸ Бригадир Э. Уильямс. – FCPP, арх. кор. 24.

¹³⁹ Robert W. Love and John Major (eds.). The Year of D-Day: The 1944 Diary of Admiral Sir Bertram Ramsay. Hull, 1994. P. 137.

Манша. В любом случае фельдмаршал явно полагал, что если сможет пересечь Рейн, то с Антверпеном можно будет разобраться и потом.

В то же время он пытался добыть все, что мог. 11 сентября, на следующий день после встречи в самолете на аэродроме Брюсселя, Монтгомери послал Эйзенхауэру сообщение: «Ваше решение о том, что северное направление на Рур не имеет приоритета над другими операциями, будет иметь определенные последствия, о которых вы должны знать... Пересмотренная операция “Комета” *не может, повторяю, не может* состояться самое меньшее до 23 сентября... Задержка даст врагу время для организации более эффективных оборонительных мероприятий»¹⁴⁰. Как утверждал Монтгомери, теперь оказалось, что у него нет достаточных средств. Эйзенхауэр, пришедший в ужас оттого, что союзники могут провалиться и с плацдармом на Рейне, и с безопасностью Антверпена, послал разобраться во всем своего начальника штаба, генерала Беделла Смита.

На следующий день Беделл Смит вылетел в тактический штаб Монти. Он пообещал ему дополнительно 500 тонн припасов в день, даже ценой лишения трех американских дивизий их транспорта, и заверил, что 1-я американская армия также получит приоритет и защитит его правый фланг. Это означало, что Паттон остановится в Сааре. Монтгомери чувствовал, что одержана «великая победа», и хвастался фельдмаршалу Бруку тем, что его послание «дало волнующий итог. Айк уступил и сегодня послал ко мне Беделла. Наступление на Саар должны остановить»¹⁴¹.

Монтгомери, получив то, что хотел, направил Эйзенхауэру еще одно донесение: «Спасибо, что послали ко мне Беделла. Имея гарантии в том, что я получу 1000 тонн ресурсов в день, а Ходжес – все необходимое ему обслуживание, я снова рассмотрел свою проблему. Сейчас я назначил “День ‘Д’” для операции «Маркет» на воскресенье, 17 сентября»¹⁴². Тем временем Брэдли был в ярости, что с ним так и не посоветовались, и, как только он обо всем узнал, сразу заявил Эйзенхауэру, что «решительно возражал»¹⁴³ против этого плана. Паттону стало плохо. «Монти творит что хочет, – писал он в дневнике, – и Айк говорит: “Да, сэр”»¹⁴⁴. На самом деле Монтгомери не получил ничего из обещанного и впоследствии сослался на это, пытаясь переложить на других вину за провал операции «Маркет – Гарден». Генерал Эйзенхауэр до конца дней своих так и не смог пробить броню упрямства Монтгомери и донести до того мысль, что именно фельдмаршал ответствен за ошибки. Тот этого так никогда и не признал.

¹⁴⁰ DDEP, арх. коп. 83. – TNA WO 205/693.

¹⁴¹ M196, бумаги Монтгомери, цит. по изд.: Hamilton. Monty: The Field Marshal. P. 57–58.

¹⁴² DDEP, арх. коп. 83.

¹⁴³ Omar N. Bradley. A Soldier's Story. New York, 1964. P. 410.

¹⁴⁴ PP. P. 548.

Глава 4

Отставить сомнения!

Утром 10 сентября, когда Демпси убедил Монтгомери отменить операцию «Комета», вести об этом дошли до британской 1-й воздушно-десантной дивизии. По словам одного офицера из 2-го батальона Фроста, «вся бригада подалась в Ноттингем и Линкольн, чтобы надраться в хлам, как умеет только 1-я воздушно-десантная»¹⁴⁵. Но по возвращении с дикого похмелья они узнали, что им все-таки предстоит новая, более важная миссия.

Подполковник Чарльз Маккензи, начальник штаба Уркварта, был небольшого роста, с аккуратно подстриженными усиками и огоньком в глазах, а еще мог шутить с каменным лицом. Он и другие офицеры, узнав об отмене операции, решили в тот день прогуляться на лодке по Темзе. По возвращении они обнаружили, что генерал весьма взволнован. «Собирайтесь, – распорядился он. – Мы выдвигаемся, у нас есть работа»¹⁴⁶. Они начали изучать карты, пытаясь понять, что могло измениться. Конечно, у них не было четкой идеи, пока на следующий день не прошли два кратких совещания. Маккензи показалось, что новая операция, где задействовали более трех дивизий, выглядит по крайней мере более реалистичной, чем прежние планы.

Американские десантники, которым хватило боев в Нормандии, не страдали от цинизма, которым отличались солдаты из 1-й ввд. Они создавали себе образ «да гори оно огнем», и их версия была частью этого образа. Фрэнк Брэмбо из 82-й ввд вернулся в Ноттингем из Нормандии «с полным вещмешком немецких касок»¹⁴⁷ – продавать как сувениры. Но оказалось, что покупатели хотят не новенькие блестящие каски, а с дырками от пуль, и он расстрелял весь запас из трофейного вальтера, подняв цену с фунта до пяти. «Еще мы как могли утешали англичанок, девушек и жен, чьих парней и мужей унесло на Дальний Восток... Как темно, искали местечко в парке для себя и подружек, и там знай под ноги смотри, а то наступишь на какую-нибудь сплетенную парочку»¹⁴⁸.

Потери в Нормандии были настолько велики, что в иных батальонах шестеро из десяти пришли из резерва. В 508-м парашютно-десантном полку уцелели 918 бойцов из 2055. Тренировки усилили, пытаясь подготовить новичков к бою, но издевки продолжались. Американские десантники утверждали, что, в отличие от англичан, бойцов 1-й ввд, они не расстраивались, когда отменяли операции. «В бою и ранить могут!»¹⁴⁹ и «Дайте Паттону победу!»¹⁵⁰ – кричали солдаты, когда задания отменяли в последний момент: стремительно наступавшая 3-я армия уже вошла в целевой район.

Когда операцию отменили, полегчало почти всем в 101-й ввд – но только не командиру. Генерал-майор Максвелл Тейлор был, что называется, «ретивый малый»¹⁵¹. Он твердил солдатам, «что глаз не сомкнет, пока не найдет им дельной миссии»¹⁵². А они предпочитали хвастать иными схватками: «Вот дадут 101-й увал»¹⁵³, двинем в город, и, если военная полиция не свалит, им сам президент спасибо скажет...»¹⁵⁴ К счастью, 82-я ввд стояла на востоке Мидленда, а

¹⁴⁵ Лейтенант Р. Власто, рота «А», 2-й парашютно-десантный батальон. – CRCP 111/7.

¹⁴⁶ Подполковник Ч. Маккензи, офицер штабной службы 1-го ранга, 1-я ввд. – CRCP 108/3.

¹⁴⁷ Д. Брэмбо, I/508/82. – EC-UNO.

¹⁴⁸ Ibid. О 60 % резервистов. – Э. Боццафолли, V/I/508/82. – EC-UNO.

¹⁴⁹ Брэмбо. – EC-UNO.

¹⁵⁰ Капитан Патрик Суини, H. 506/101. – CRCP 98/40.

¹⁵¹ Капитан Эбнер Благг, медотряд, 502/101. – CRCP 97/31.

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Увал – увольнение (из расположения части) на профессиональном сленге военнослужащих.

¹⁵⁴ Г. Карсон, 506/101. – EC-UNO.

101-я – на юге Англии: им нравилось взгрывать друг дружку. Бойцы 82-й провоцировали солдат 101-й: тыкали пальцем в наплечный шеврон и в притворном ужасе вопили: «Орлы кричат: “Мама! Мама!”»¹⁵⁵.

Не все бойцы двух американских дивизий были одержимы женщинами, выпивкой, азартными играми и драками. Поэт Луис Симпсон из 327-го пехотно-планерного полка 101-й ввд размышлял о нравах англичан: «Англичане – великая нация, и они принимают все без драмы, которую так любят американцы. Любая девушка покажет вам фотоснимок семьи и скажет, так, мимоходом: все мои спились, а вот братик Джон, его в том году в Африке убили. Иногда это хладнокровие бросает в дрожь. По мне, так лучше, как мы, ценить жизнь всей душой»¹⁵⁶.

Польские десантники отличались от остальных как небо и земля. Они не походили на англичан, просто желавших примириться со страшной войной, называя бои «вечеринками». Им не нравились американцы, которые хотели закончить все быстро и отправиться домой. Поляки, изгнанники, сражались за выживание нации. Американский офицер, наблюдавший за ними на тренировках, назвал их «убийцами под шелком парашютов»¹⁵⁷. Польский патриотизм и близко не походил на стыдливый британский: в поляках бились горячие сердца.

В те дни их соотечественники ужасно страдали в Варшавском восстании, не имевшем никаких шансов на победу. «Как поляки, мы знали, что должны умереть за безнадежное дело, – говорил капрал Воеводка, – но как солдаты мы хотели сражаться. Думали, так война кончится быстрее. Иные надеялись, что русских остановят до захвата Польши, и мы наивно молились о чудесах»¹⁵⁸. Англичане не могли понять, что означала война для Польши. «Моя девушка из Шотландии плачет, – писал один десантник. – Она знает, что мы должны расстаться. Возможно, навсегда. Она не может понять: солдат должен биться ради Польши»¹⁵⁹.

Их командир, генерал-майор Станислав Сосабовский, был человеком сложным и требовательным. Солдаты его не любили, но уважали и боялись, а еще доверяли ему: сам он делал все, чего требовал от них. Они называли его Stary, Старик¹⁶⁰. Ему было пятьдесят два. Настоящий польский патриот, этот суровый мужчина с глубоко посаженными глазами и со следами прожитых лет лицом был крайне упрям и плевать хотел на регалии, если считал, что старшие по званию не правы.

У Сосабовского и его людей над всем главенствовала одна идея. Девизом их бригады был слоган «Кратчайший путь», и их миссия состояла в том, чтобы возглавить освобождение своей родины. Еще в октябре 1940 года польский главнокомандующий генерал Владислав Сикорский издал «Приказ о подготовке к национальному восстанию в Польше»¹⁶¹. Как и многие последующие, то был примечательный документ. Он свидетельствовал о предвидении вероятного хода войны и в то же время был проникнут бесконечно оптимистичной верой в то, что польские войска в Великобритании смогут вступить в схватку с врагом на территории своей страны. Они даже рассматривали возможность – в будущем – переброски туда по воздуху целых бронетанковых дивизий.

Сикорского не смутил британский бюрократизм. Он настоял на том, что созданная под его началом 1-я польская парашютная бригада не будет развернута под командованием союзников, а сохранится для участия в восстании в Польше. Британцы приняли его условия, хотя, без сомнения, некоторые из них недоуменно качали головой, бормоча что-то о «сумасшед-

¹⁵⁵ Майор Р. Уинтерс, E/506/101. – EC-UNO.

¹⁵⁶ Louis Simpson. Selected Prose. New York, 1989. P. 92.

¹⁵⁷ Неизвестный американский офицер, наблюдавший за тренировкой польских десантников. – PISM A.v.20 31/16 35.

¹⁵⁸ Капрал Болеслав Воеводка. – CRCP/47.

¹⁵⁹ Мемуары Стэнли Носецки. – PISM A.v.20 31/38 26.

¹⁶⁰ 2-й лейтенант Ежи Лесняк, 1-й батальон, польская парашютная бригада. – CRCP 132/41.

¹⁶¹ PUMST A 048–055.

ших поляках». Однако 17 мая 1943 года, когда начали рассматривать планы вторжения во Францию, Браунинг подошел к Сосабовскому, желая изменить соглашение. По словам Сосабовского, четыре месяца спустя Браунинг заявил ему: «Не станете частью британских войск, отберу снаряжение и лишу возможности тренироваться»¹⁶².

В следующем году, когда планирование «Дня “Д”» шло полным ходом, Военное министерство расценивало любое восстание или операцию в Польше исключительно как отвлечение сил от основных операций в Нормандии. Монтгомери «отказался принять какие-либо ограничения на использование бригады»¹⁶³: формирование Сосабовского развертывали в составе 1-го британского корпуса.

Трагедией для Польши стала операция «Багратион» и неожиданно стремительное наступление Красной армии, дошедшей до окраин Варшавы к концу июля 1944 года. Поляки и не предполагали, что великое восстание произойдет до того, как «разгром Германии станет неминуемым»¹⁶⁴, и Армия Крайова¹⁶⁵ подняла Варшавское восстание.

Чуть более двух недель спустя, когда Варшава отчаянно сражалась, польский главнокомандующий со смутным чувством вины писал Сосабовскому: «Я приложил все усилия, о которых вы услышите в нужное время, чтобы хотя бы часть бригады направили туда, куда вы в сердцах и мечтах ваших стремились все последние годы. К сожалению, препятствия оказались сильнее моей и вашей воли. Но мы стиснем зубы и пойдем по нашему прямому и честному пути. Сохраняйте бодрость духа и покажите миру, сколь велик польский солдат, бросающий вызов судьбе и одолевающий все преграды... Побейте немцев и сражайтесь доблестно, хотя бы этим помогая Варшаве. Мы не прекратим усилий, чтобы обеспечить ее оружием и боеприпасами»¹⁶⁶. Но снабжать восставших в Варшаве по воздуху было почти столь же трудно, как десантников в Арнеме.

Несмотря на недавний несчастный случай на учебном вылете, когда столкнулись две «Дакоты» и погибли тридцать шесть десантников, бойцы Сосабовского не потеряли решимости. Они пытались утешиться тем, что пусть и не пойдут в Варшаву, но по крайней мере будут близки к тому, чтобы «войти в Германию через кухню»¹⁶⁷. Но когда восстание приблизилось к его ужасной кульминации, они «кипели» от ярости, что их не десантируют там. Они должны были там быть. Они тренировались только ради этого. Понимание, что С-47 просто не могли выполнить то, что от них ждали, и вернуться на британские базы, не снижало накала эмоций.

12 сентября в Мур-парке Сосабовский еще раз встретился с Урквартом, и тот сказал, что польской бригаде выделили только 114 самолетов и 45 планеров *Horsa*. Сосабовского новость не обрадовала. Это означало, что ему придется оставить артиллерию, а его противотанковый отряд мог взять только оружие, джипы и расчет из двух человек на каждый. Вместе с 1-й ввд они десантировались к северу от Недер-Рейна, а основная часть польской бригады – к югу.

Недостатки в плане с каждым днем становились все более очевидными. 14 сентября в 16.00 Сосабовский встретился с Урквартом в Линкольншире, на базе «Виттеринг» у Стэмфорда; он указал, что его бригада сможет пересечь Недер-Рейн в Арнеме, только если англичане заранее возьмут мосты. В протоколе встречи командир поляков написал в своей высоко-

¹⁶² PISM A.v.20 31/60 28.

¹⁶³ Ibid.

¹⁶⁴ «Support for the Rising. Air Support documentation». – PUMST (2.3.2.1.3.1/4) file A.053.

¹⁶⁵ Буквально – «Отечественная армия» (*польск.* Armia Krajowa), сокр. АК. Подпольная польская военная организация периода Второй мировой войны, действовавшая в 1942–1945 гг. в пределах довоенной территории польского государства. АК была основной организацией польского Сопротивления, боровшегося против немецкой оккупации. Подчинялась польскому правительству в изгнании.

¹⁶⁶ Генерал Соснковский, 16.8.44. – PISM A.v.20 31/16 16.

¹⁶⁷ Лейтенант С. Качмарек, польская парашютная бригада. – CRCР 132/38. О встрече в Мур-парке, 12.9.44, журнал боевых действий, 1-я польская парашютная бригадная группа. – PISM A.v.20 31/27.

парной манере: «Сосабовский позволил себе указать, что плацдарм, который будет удерживать 1-я бригада 1-й вдд, находится более чем в десяти милях. И до прибытия польской бригады дивизия, возможно, даже не достигнет района и может попасть в окружение даже на меньшем участке. В этом случае польской бригаде придется ждать, пока они займут позиции»¹⁶⁸.

Он также отметил, что «плацдарм, который будут удерживать 1-я вдд и группа из 1-й польской отдельной парашютной бригады, простирается более чем на десять миль труднопроходимой местности, и всегда есть вероятность, что еще до прибытия группы польской бригады, намеченного на второй день после «Дня “Д”», позиции, отведенные ей для обороны, может занять и удерживать противник, поскольку 1-я вдд, возможно, не сумеет установить и поддерживать столь большой периметр. В этом случае польской бригадной группе придется идти в атаку, иначе не получится достичь намеченных позиций к востоку от Арнема»¹⁶⁹. Уркварт, казалось, согласился, что такая ситуация вероятна, но не «ожидал серьезного сопротивления врага».

Сосабовский подчеркнул: «Для того чтобы бригадная группа могла переправиться через Недер-Рейн, 1-я вдд должна удерживать мост или иметь другие средства для переправы»¹⁷⁰. Очевидно, Уркварт заверил его, что 1-я вдд сделает все, что необходимо, и защитит зону десантирования польской группы. Как показали последующие события, тревожился Сосабовский не напрасно.

Английские комбриги восприняли план не столь критично, главным образом потому, что 1-я вдд не пережила бы еще одной отмены. Они просто хотели покончить с этим. А по мнению бригадира Филиппа Хикса, командующего 1-й посадочно-десантной бригадой, у операции «Маркет – Гарден» было по крайней мере больше шансов на успех, нежели у нескольких, планировавшихся прежде. «Некоторые из них были абсолютно безумными»¹⁷¹, – говорил он. Нельзя не учитывать и другой фактор. И офицеры, и солдаты знали: если их не десантируют в предстоящей операции, им придется либо воевать как обычной пехотной дивизии, либо всю группировку расформируют и разделят между подразделениями для замены личного состава.

Бригадный генерал Джеймс Гэвин из 82-й вдд был потрясен тем, что Уркварт согласился на зоны десантирования и высадки, столь удаленные от главной цели. Но Браунинг лично сказал Гэвину: ваша первоочередная задача – овладеть Грусбекскими высотами к юго-востоку от Неймегена. Те выходили на Рейхсвальд, огромный лес у границы Германии, и союзники планировали укрыть там танки. Аргументы Браунинга состояли в следующем: он полагал, что, если немцы займут Грусбекские высоты, их артиллерия может остановить 30-й корпус и не пустить его в Неймеген; в таком случае большой автомобильный мост потеряет важность – отчасти потому, что 1-я союзная воздушно-десантная армия отказалась от стремительного штурма силами пехотно-планерных частей. Тем временем генерал Бреретон жаловался генералу Арнольду в Вашингтон, мол, офицеры, планирующие операцию сухопутных войск, «настойчиво указывают великое множество целей»¹⁷². Неудивительно: планом Монтгомери предусматривалось форсирование как минимум трех основных и бесчисленных более мелких водных преград. И никто, в том числе и Бреретон, не осмеливался сказать, что это никуда не годный план и основан лишь на предположении, будто немецкая армия вот-вот развалится.

¹⁶⁸ 14.9.45. – PISM A.v.20 31/19.

¹⁶⁹ Журнал боевых действий, 1-я польская отдельная парашютная бригада. – PISM A.v.20 31/27 3.

¹⁷⁰ Ibid.

¹⁷¹ Бригадир П. Хикс, 1-я посадочно-десантная бригада. – CRCP 112/3. О судьбе 1-й вдд, если ее не развернут, см.: John Peaty. Operation MARKET GARDEN: The Manpower Factor // John Buckley and Peter Preston-Hough (eds.). Operation Market Garden: The Campaign for the Low Countries, Autumn 1944, Solihull, 2016. P. 58–73.

¹⁷² Памятка генералу Арнольду от Бреретона. – JMGP, арх. кор. 15.

6 сентября британцы уже находились на Альберт-канале в Берингене, однако генерал Штудент утешал себя мыслью, что дальше им придется нелегко. «Все единодушно сошлись во мнении, – писал он позднее, – что противник войдет в лабиринт голландских каналов, в местность, наиболее благоприятную для обороны, и не сможет в прежней мере использовать свои танковые армады»¹⁷³.

7 сентября сражения в Берингене и Хехтеле продолжились. Демпси приказал 50-й Нортумбрийской дивизии форсировать Альберт-канал к югу от Гела. Этот сектор защищала боевая группа «Дрейер» во главе с самым ретивым командиром полка в войсках генерал-лейтенанта Хилла. И, после того как 6-й батальон «Зеленых Говардов» сумел захватить плацдарм, оберст-лейтенант Георг Дрейер – без сомнения, бывший в ярости оттого, что его солдат застали врасплох, – снова и снова гнал своих в контратаку. Командир 50-й дивизии, видя, что схватка перерастает в серьезное сражение, обратился за поддержкой к другой бригаде, стоявшей под Брюсселем. На следующее утро, 9 сентября, танки Шервудских рейнджеров с грохотом прокатились по мосту Бейли, который накануне вечером возвели Королевские инженеры¹⁷⁴. Танки шли поддерживать 6-й батальон Даремской легкой пехоты. 10 сентября англичане захватили город Гел; позднее командир Шервудских рейнджеров писал: «Мне следовало знать достаточно о немецкой армии со времени моего пребывания в Нормандии, чтобы понять, что с ранеными и загнанными в угол тиграми нужно обращаться с величайшей осторожностью и уважением. В Геле я очень быстро выучил этот урок»¹⁷⁵. Генерал Рейнгард не терял времени и приказал роте 559-го истребительно-противотанкового батальона тяжелых орудий и батальону 6-го парашютного полка Гейдте помочь боевой группе «Дрейер» отбить город.

После первого дня боев рота «С» Шервудских рейнджеров вполне довольствовалась тем, что захватила Гел, обрадовав многих его жителей. Но ближе к вечеру экипажи встревожились, заметив, что местные жители поспешно снимают флаги Бельгии и союзников. У роты было в обрез боеприпасов, а у Даремской пехоты, потрепанной в Нормандии, – очень мало бойцов. Со стороны немцев, все еще стоявших вокруг города, с приходом ночи понеслись презрительные выкрики. По радио сообщали, что в округе заметили немецкие танки и самоходные противотанковые орудия – *Panzerjäger*. Но кое в чем повезло: отважный сержант из штабной роты прорвался на грузовике с боеприпасами через немецкие позиции и сумел добраться до своих.

¹⁷³ Генерал-оберст Курт Штудент. – FMS B-717. О боях в Геле см.: Jack Didden. *A Week Too Late?* // Buckley and Preston-Hough (eds.). *Operation Market Garden*. P. 85–87; Stuart Hills. *By Tank into Normandy*. London, 2003. P. 157–172; Гейдте. – BArch-MA RL33 115.

¹⁷⁴ Королевские инженеры (Royal Engineers, RE) Британской армии, саперные войска.

¹⁷⁵ Hills. *By Tank into Normandy*. P. 157.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.